

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ.

(Продолженіе).

V.

Новые матеріалы для его біографіи.

Спустя два или три мѣсяца по кончинѣ митр. Филарета, въ пору еще не смолкшихъ сожалѣній объ утратѣ его, въ пору всеобщаго, наиболѣе возбужденнаго вниманія къ обстоятельствамъ долгой и славной жизни его, появилась какъ нельзя болѣе кстати книга Н. В. Сушкова: «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго». Г. Сушковъ, какъ видно изъ его же книги, почти сорокъ лѣтъ знакомъ былъ съ великимъ святителемъ, а съ 1842 года, водворясь въ Москвѣ, 25 лѣтъ постоянно и довольно часто видался съ нимъ; пользовался его вниманіемъ и дружескою расположенностію ¹⁾; послѣдніе пять лѣтъ онъ усердно соби-

¹⁾ О г. Сушковѣ, о его близости къ митр. Филарету вотъ что говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ извѣстный святогорецъ, о.г. Серафимъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1850 году: «Сушковъ, бывшій губернаторомъ въ Минскѣ, когда былъ тамъ епископомъ Никифоръ (это, конечно, опечатка, должно быть Никаноръ, бывшій потомъ митрополитомъ слб.), съ своей стороны, въ русскомъ тонѣ, предлагалъ мнѣ обращаться къ нему обо всемъ, что мнѣ пужо и въ Петербургѣ, и чего желаю здѣсь, у митрополита Филарета, у котораго онъ въ особенномъ благоволеніи (Собр. соч. и пис. святогорца. Слб. 1865 г. т. IV, стр. 30).

ралъ и записывалъ свѣдѣнія о жизни его; ему доставляли многіе важные источники преосвященные Леопидъ, Савва, Игнатій, архимандритъ Іаковъ, академикъ М. П. Погодинъ, А. Н. Муравьевъ, Ю. Н. Бартеневъ; многое сообщалъ ему и самъ владыка; иное изъ своихъ записокъ г. Сушковъ рассказывалъ ему для повѣрки, а частью и читалъ: какъ видите, нельзя было имѣть обстановки болѣе лучшей, чтобы приобрѣсть обильныя, важныя и вѣрныя свѣдѣнія. Всѣ эти обстоятельства, казалось, могли-бы дать поводъ ожидать отъ «Записокъ» г. Сушкова не только массы свѣдѣній, но и отчетливой біографіи святителя; въ этой надеждѣ, книгу его раскрываешь съ живѣйшимъ любопытствомъ, съ большими ожиданіями. Но авторъ «Записокъ» сразу, съ первой же строки своего предисловія, ограничиваетъ требовательность читателя и предвѣщаетъ судъ критики; авторъ «Записокъ» самъ даетъ намъ точку зрѣнія на нихъ и представляетъ вѣрную оцѣнку ихъ, говоря: «Записки—не жизнеописаніе сошедшаго съ земнаго «поприща лица; это—повременныя замѣтки о текущей порѣ, «пробудившіяся въ душѣ воспоминанія о быломъ, краткіе «очерки характеровъ и дѣлъ людскихъ». И далѣе: «оставляю «ихъ въ томъ видѣ и въ той послѣдовательности, какъ онѣ «написались, день за день, бесѣда за бесѣдой, по рассказамъ «его, по добываемымъ мною о немъ свѣдѣніямъ, по теченію «современныхъ событій, по указаніямъ моей памяти» (Предисловіе). Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Сушковъ еще точнѣе и яснѣе указываетъ характеръ ея содержанія: «Въ послѣдніе годы—говоритъ онъ—старѣя и хилѣя, я сталъ записывать, на отдѣльныхъ листкахъ, его (т. е. митр. Филарета) любопытныя рассказы и замѣчательныя изреченія... Постараюсь же собрать и передать бумагѣ—какъ, что и когда вспомнится, не послѣдовательно, не хронологически, безъ явной связи, отрывчато, съ частыми отступленіями и вводными раз-

сказами» (стр. 28). Таковъ строго-откровенный отзывъ автора о своей книгѣ, и дѣйствительно таковъ пестрый составъ и случайный порядокъ ея содержанія.... Авторъ, конечно, воленъ былъ такъ или иначе составить свои «Записки», но все-таки намъ кажется нѣсколько страннымъ слѣдующее обстоятельство: г. Сушковъ говоритъ, что онъ писалъ свою книгу съ 1863 года и что онъ многое записывалъ на отдѣльныхъ листахъ: неужели, въ продолженіе пяти лѣтъ и при такомъ способѣ составленія книги, онъ не нашелъ возможности придать ей... хотя связанное, послѣдовательное изложеніе? Мы хотимъ думать, что, продлиась жизнь святителя, г. Сушкова, раньше или позже, позаботился бы сообщить своему труду стройное, повременное теченіе и возможно-тщательную отдѣлку, и что только внезапная кончина святителя побудила его издать свои «Записки» въ настоящемъ ихъ видѣ, лишь-бы поскорѣе удовлетворить общей почтительной любознательности. Если такъ, то нельзя не поблагодарить г. Сушкова за это вниманіе къ общему добру настроенію; и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не быть искренно-признательнымъ ему за обиліе собранныхъ матеріаловъ; нельзя не сказать, что въ книгѣ его внутренній образъ святителя очерченъ достаточно живо и мѣтко. Среди огромнаго множества лицъ, чтущихъ память святителя, книга г. Сушкова, конечно, разойдется быстро, и въ скоромъ времени потребуются другое изданіе ея. Мы знаемъ, что оно уже и готовится. Въ ожиданіи его-то, изъ уваженія къ памяти такого величаваго лица, какимъ является безспорно для всей Россіи почившій святитель, изъ желанія, чтобы книга, говорящая о немъ, была наиболѣе достойна его славной жизни, мы просимъ достопочтеннаго автора позволить намъ—искренно выразить свое сильное мнѣніе;—намъ кажется, что книга его для втораго изданія должна-бы подвергнуться положительной передѣлкѣ. Прочитавъ ее не одинъ разъ, мы пришли къ

твердому убѣжденію, что, при всѣхъ ея достоинствахъ, нельзя не пожалѣть объ отсутствіи въ ней всякой системы въ содержаніи, причемъ событія излагаются съ рѣзкими переходами по годамъ, то впередъ, то назадъ ¹⁾; нельзя не пожалѣть, что въ разсказѣ о многихъ и многихъ случаяхъ изъ жизни святителя и о его сочиненіяхъ не указаны годы ²⁾; нельзя не сказать, что въ книгѣ немало лишняго и личнаго, немало повтореній и вставокъ, чуждыхъ тѣсной связи съ главнымъ предметомъ и заслоняющихъ самую личность владыки ³⁾; нельзя не замѣтить, что книга является исключительнымъ панегирикомъ, и панегирикомъ такимъ, въ которомъ гораздо болѣе добрыхъ словъ, чѣмъ добрыхъ дѣлъ; наконецъ, къ книгѣ не приложено оглавленія и хоть какого нибудь указателя содержанія и личныхъ именъ ⁴⁾.

Всего болѣе настаиваемъ мы на введеніи хронологическаго порядка: мы убѣждены, что книга тогда гораздо болѣе выиграетъ въ постепенномъ изображеніи жизни святителя и въ живомъ вліяніи своемъ на читателя. Авторъ самъ, конечно, видѣлъ, что, при настоящемъ смѣшанномъ порядкѣ книги, ему нельзя было разбить ее на главы, на отдѣлы; отъ этого

¹⁾ Стр. 28—29, 31, 37, 39, 41—42, 48—49, 67—68, 78, 86—87, 89, 91, 92, 103, 106—107, 111—112, 114, 115—116, 119, 124—125, 128, 223—224 и др.

²⁾ Стр. 89—91, 104, 106, 117, 131, 134, 135, 137, 142, 144—145, 147, 187—189, 194, 201, 230—231, 240, 262, 271—272, 278, 281.

³⁾ Стр. 14—25, 27 и 46, 43—44, 45—46, 54, 64—67, 71, 92, 113, 120, 150, 165—172, 199, 243—246, 255—257, 258—261 и первый XI прилосный.

⁴⁾ Есть и недосмотры: на 29 стр. говорится, что коломенская семинарія переведена была въ *Тулу*, а на 32 стр. рассказывается, что она переведена въ *Калуку*; на стр. 55 говорится, что фанатикъ-раскольникъ ударилъ митр. *Серафима*, а на 149 стр. это-же самое утверждается про мигр. *Михаила*; на стр. 30-й говорится, что преосв. Меодій былъ переведенъ изъ Твери въ Ярославль, а онъ тамъ вовсе не былъ: изъ Твери онъ былъ переведенъ во Псковъ и тамъ скончался (2 февр. 1815 г.); не былъ онъ и синодальнымъ членомъ, а развѣ временно присутствовалъ въ синодѣ. Другіе недосмотры и неточности укажутся въ своемъ мѣстѣ. Не говоримъ уже объ опечаткахъ, коихъ много множество, къ стыду столичной типографіи.

чрезъ всю книгу его тянется сплошной рассказъ, не дающій читателю случая—кстати остановиться, подумать, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляющій вниманіе его. Кромѣ того, авторъ согласится, конечно, что въ настоящемъ видѣ книгу его трудно дополнять; положимъ, онъ узнаетъ рядъ какихъ нибудь событій изъ жизни святителя, относящихся къ 1816, 37, 50 и 63 годамъ; спрашивается, какъ введетъ онъ эти событія въ свою книгу? Изложить всѣ вмѣстѣ? но они раздѣлены годами и между ними нѣтъ никакой связи! Захочетъ-ли размѣстить ихъ по годамъ? но въ книгѣ его одинъ и тотъ же годъ встрѣчается въ трехъ-четырехъ мѣстахъ! Удобно-ли будетъ автору сладить съ этимъ размѣщеніемъ? и не въ тягость-ли ему будутъ новые матеріалы? Печатать-то ихъ рядышкомъ, пожалуй, можно; но не легче-ли, не полезнѣе-ли, хоть для будущаго біографа, печатать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ?

Да не посѣтуетъ на насъ уважаемый авторъ за эти откровенныя замѣчанія: повторяемъ, мы высказываемъ ихъ изъ искренняго уваженія къ святителю, высказываемъ изъ участія къ сердечному труду автора, къ труду, въ которомъ много собрано добраго, но оно часто разсѣяно и какъ будто скрыто. Чтобы наглядно показать читателямъ, сколько интересныхъ и важныхъ матеріаловъ разсѣяно въ книгѣ г. Сушкова, мы, на основаніи ея, постараемся представить здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ ходъ событій изъ жизни святителя, и, пользуясь правомъ, которое милостиво даровано намъ самимъ авторомъ, приведемъ изъ книги его обширныя выписки. При этомъ, мы дополнимъ свое изложеніе нѣсколькими свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ.

Хотя книга г. Сушкова заключаетъ въ себѣ немало свѣдѣній о жизни преосв. Филарета, но для біографіи владыки—ихъ слишкомъ мало. Надо желать новыхъ, еще болѣе обильныхъ источниковъ; надо всячески дорожить настоящимъ

временемъ, когда еще довольно пайдется современниковъ почившаго святителя, и сберечь все, что извѣстно о немъ и что возможно сберечь. Къ сожалѣнію, мы вообще мало знаемъ о нашихъ великихъ современникахъ—это наше застарѣлое и печальное явленіе; но о святителѣ московскомъ мы знаемъ еще меньше, вслѣдствіе особыхъ причинъ. Его высокій постъ, его великое значеніе издавна внушали многимъ у насъ не только уваженіе, но и безмолвную робость, отдаляющій трепетъ, начиная отъ старцевъ и кончая дѣтьми. Это хорошо памятно всякому и не требуетъ доказательствъ; мы приведемъ только одинъ фактъ изъ школьнаго дѣтства, знакомый, вѣроятно, многимъ: мы свѣжо помнимъ, какъ намъ таинственно указывали въ христоматіи на стихотвореніе «Не напрасно, не случайно», и подъ величайшимъ секретомъ, на ухо, шептали намъ имя автора его, т. е. митроп. Филарета.... Кое-что о жизни его стоустая молва доносила, конечно, и въ провинцію, но людская молва—плохой источникъ для исторіи. Въ печати же у насъ были доселѣ только отрывочныя, краткія (иногда въ нѣсколько строчекъ) и исключительно оффиціальныя свѣдѣнія о немъ. Въ концѣ нашего труда мы назовемъ всѣ источники для изученія жизни и дѣятельности преосв. Филарета, какіе были у насъ до самой кончины его, въ теченіе слишкомъ полувѣка. Тогда всякому станетъ очевидно, что въ настоящее время не только *составить* біографію, но и *думать* объ изданіи чего нибудь цѣльнаго, законченнаго о великомъ святителѣ—рано: этого моря не исчерпать теперь никому во всю жизнь. Всего лучше и разумнѣе—собирать и печатать матеріалы: письма, проекты, резолюціи, неизданныя сочиненія, а съ другой стороны—разрабатывать отдѣльные періоды его жизни по частямъ. Все это, конечно, и не замедлитъ появиться въ недалекомъ будущемъ. Но, въ ожиданіи новыхъ источниковъ, полезно-бы свести въ одно мѣсто все

то, что известно доселѣ о великомъ святителѣ. Вотъ эту-то послѣднюю, простую, впрочемъ довольно хлопотливую задачу мы хотѣли-бы исполнить въ настоящій разъ. Съ этой цѣлю мы приводимъ теперь всѣ собранныя нами свѣдѣнія, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Правда, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого сведенія матеріаловъ явятся крайніе скачки и рѣзкая пестрота содержанія; но за то тѣмъ легче будетъ замѣтить въ подобномъ трудѣ пробѣлы, легче дополнять его. И если мы своей работой хотя отчасти облегчимъ великій трудъ того, кто со временемъ примется писать полную біографію святителя московскаго, мы сочтемъ себя счастливыми.

1. *Предки святителя; дѣтство его; ученіе въ коломенской семинаріи; окончаніе образованія въ лаврской семинаріи; учительство; отношенія къ начальству и ученикамъ; монашество; вызовъ въ Петербургъ ¹⁾.*

Предки святителя—Дроздовы—издавна принадлежали къ духовному сословію, но немногихъ изъ нихъ помнилъ онѣ. Прадѣдъ его Игнатій былъ простымъ причетникомъ, а дѣдъ Ѳеодоръ успѣлъ сдѣлаться протоіереемъ въ епархіальной Коломнѣ. По любви къ уединенію и богомыслію, от. Ѳеодоръ сдалъ приходъ старшему сыну, а самъ повелъ строгую отшельническую жизнь, ходилъ только въ церковь, молился дома, причемъ келейную молитву свою (три раза въ день) измѣрять горѣніемъ церковной восковой свѣчки. Одинъ изъ

¹⁾ Вотъ относящіеся сюда страницы книги Н. В. Сущкова: 28, 29, 31, (приложенія стр. 29—31), 68, 33, 131, 29, 68, 128, 129, 32, 37, 34, 125 (прил. стр. 95), 36, 45, 69, 72, 128, (прилож. 110), 36, 277 (прил. 95), 224, 38, 94, 36—39, 44, 69, 45, 39, 40—41, 88, 94—95, 124, 258, 41, 93, 87, 72 и пр... Читатель видитъ теперь, какъ разбросаны въ «Запискахъ» одновременныя обстоятельства.

сыновей его, Михайлъ, женившись на дочери коломенскаго священника Евдокіи Никитичнѣ, поступилъ діакономъ въ кафедральный соборъ. Въ 1782 году, на праздникъ Рождества Христова, по старому русскому обычаю, от. Михайлъ съ женою отправился вечеромъ къ своему родителю, о. Θεодору, тогда еще священнику Богоявленской церкви. Здѣсь-то Евдокія Никитична вдругъ почувствовала близкое разрѣшеніе отъ бремени; она осталась у свѣкра, и на другой день у нея родился сынъ, которому дали имя Василія, въ память святителя Василія Великаго. Подъ кровомъ дѣда новорожденный провелъ первые дни свои; въ церковныхъ книгахъ дѣда было записано его рожденіе и крещеніе; послѣднее совершено было въ день его ангела, 1 генваря. Восприемникомъ его былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, а восприемницей — родная бабушка (по матери) Домнікія Проконіевна Аванасьева. Скоро послѣ этого, именно въ 1784 году, о. Михайлъ былъ рукоположенъ въ священника къ троицко-коломенской церкви, что въ ямской слободѣ, и переѣхалъ туда съ своимъ семействомъ. Прихожане троицкой церкви имѣли-было въ виду другаго священника себѣ и долго хлопотали о его назначеніи, поэтому они не дружелюбно встрѣтили о. Михаила, опредѣленнаго къ нимъ вопреки ихъ желанію. Какъ-бы въ отмщеніе за это, грубѣе ямщики уменьшили до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ свою плату за требы: но о. Михайлъ не смутился, не ропталъ, явился истинно пастыремъ добрымъ и охотно и свято исполнялъ всѣ духовныя нужды своихъ прихожанъ; вмѣстѣ съ нимъ и жена его кротко переносила бѣдность, какъ испытаніе, посланное Богомъ. Жизнь ихъ проходила въ молитвѣ и трудахъ, тишинѣ и внимательности, — и жестокіе прихожане наконецъ смягчились: они раскаялись въ своей несправедливости, стали любить и уважать своего духовнаго отца и матушку, и усердно заботились о ихъ благосостояніи.

Здѣсь-то, въ ямской слободѣ, на краю города, въ простомъ деревянномъ домигѣ, стоявшемъ у самой ограды церковной, малютка Василій провелъ первые 13 лѣтъ своей жизни ¹⁾. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о благотѣльномъ вліяніи на него матери ²⁾. Добрая, умная и благочестивая, она часто водила его въ церковь, красовавшуюся среди зеленой площадки. Изъ церковной молитвы въ первые дѣтскіе годы, сохранилось трогательное преданіе, прекрасно записанное пресв. Леонидомъ: «Вотъ стоитъ и усердно молится степенная благочестивая супруга іерея и подлѣ нея дитя. Богослуженіе приближается къ концу: вотъ по блоку спустили съ высоты свѣщникъ, такъ называемый спускъ, погасили свѣчу и снова поднимаютъ свѣщникъ. Полные свѣта и огня души, каріе глаза малютки благоговѣнно слѣдятъ за медленнымъ восхожденіемъ свѣщника къ самой высотѣ иконостаса, и слышится тихой голосокъ геніальнаго дитяти: *«мама, скоро кончится служба, молитва къ Богу пошла»*. Не правда ли, что въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ уже замѣтно вамъ зернышко великаго богослова, оратора, мудреца и поэта». — Другихъ преданій о его дѣтствѣ не сохранилось. Сказываютъ, что ребенокъ игрывалъ въ простыя дѣтскія игры, но немного; изъ товарищей любилъ онъ особенно тѣхъ, которые охотно ему повиновались, по кротости или по убѣжденію, а чаще проводилъ время одиноко. Подлѣ домика о. Михаила, одна сторона церковной площадки пересѣкалась крутымъ берегомъ довольно глубокаго оврага, за которымъ начинались луга и

¹⁾ Домъ этотъ сохранился и доселѣ, во всемъ прежнемъ расположеніи, но съ нѣкоторыми пристройками. Нынѣшній обитатель его, священникъ той же церкви, заботливо сберегаетъ старое и говоритъ, что если-бы понадобилось увеличить помѣщеніе, онъ скорѣе вроеся въ землю, нежели нарушить то, что осталось ненарушеннымъ.

²⁾ Труды кievск. дух. акад. 1867 г. № 12.

поля; весной оврагъ наполнялся водою, а лѣтомъ вода видна была лишь кое-гдѣ въ лощинкахъ; малютка Василій любилъ ходить по оврагу, потому-что въ немъ были свѣтлыя камушки, и собиралъ ихъ. Памятенъ, и долго памятенъ, остался ему оврагъ не по однимъ камушкамъ, но и по знаменательному сну, который такъ рассказывалъ недавно самъ владыка: «мнѣ было лѣтъ 8, когда я видѣлъ сонъ, сохранившійся донынѣ въ моей памяти. Снится мнѣ, что я иду по оврагу и по мѣрѣ того какъ иду, берега его становятся все выше и выше, круче и круче, а русло все уже и уже. Мною овладѣваетъ страхъ; хочется выдти, но не могу. Вдругъ вижу лѣстницу, приставленную къ крутизнѣ берега, и тотчасъ начинаю по ней подниматься; поднимаюсь, а подъ лѣстницею благовѣстятъ въ большой колоколъ. Удары колокола приводятъ меня въ новый страхъ; но я продолжаю всходить. Взошелъ: передо мною избушка. Вхожу: въ ней люди; спрашиваю: какъ бы мнѣ выдти къ дому.—«Зачѣмъ тебѣ?»—Мнѣ нужно домой.—«Мы тебя не пустимъ».—Почему?—«Потому что мы хотимъ тебя убить».—Отъ чрезвычайнаго страха я проснулся».

Въ 1791 году Василій поступилъ въ коломенскую семинарію; объ ученіи его тамъ мы уже говорили въ указанной статьѣ. Въ свободное отъ занятій время хаживалъ онъ къ своему дѣдушкѣ и любилъ слушать игру его на гусяхъ; стройные звуки полюбились ему, и онъ, внимательно приглядываясь къ игрѣ дѣда, перенялъ и себѣ это искусство, и долго потомъ любилъ бывало играть на струнахъ царя-пророка. Еще въ дѣтствѣ, онъ паходилъ умиленіе въ духовной музыкѣ и любилъ поэтому часто ходить въ церковь; ребенкомъ десяти-одиннадцати лѣтъ, онъ пѣвалъ на клиросѣ, позже—читалъ и апостолъ. Сохранилось одно преданіе отъ этой поры его жизни: лѣтъ 12-ти или 13-ти, входитъ онъ однажды въ цер-

*

ковъ, во время послѣдней предъ великимъ постомъ вечерни, и слышитъ прокимень: *не отрати лица Твоего отъ отрока Твоего*; ему показалось, что онъ какъ-бы впервые услышалъ эти слова; они запали въ душу его; онъ примѣнилъ ихъ къ себѣ и умиленно повторялъ ихъ въ сердцѣ... Около этого времени, когда ему исполнилось 12 лѣтъ, родитель его былъ произведенъ въ протоіерея кафедральнаго собора ¹⁾. Подлѣ собора и донынѣ существуетъ каменный двухъэтажный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго, на южной сторонѣ, было тогда помѣщеніе о. протоіерся. Межъ тѣмъ ученіе въ семинаріи продолжалось. Изъ всего круга ея наставниковъ и учителей всего болѣе принесъ пользы Василию преподаватель грамматики, Дмитрій Ѳедуловичъ Малининъ; о немъ съ признательностію вспоминалъ святитель и въ поздніе годы свои: учитель грамматики Малининъ былъ его главнымъ учителемъ философіи и положилъ прочное основаніе его знаніямъ и развитію. Шагъ за шагомъ, съ помощью несильныхъ путеводителей, дошелъ геніальный ученикъ до логики и философіи. Въ это время коломенская епархія упразднится ²⁾, а семинарія переводится въ Тулу. Василій съ отцомъ своимъ отправился въ Сергіеву лавру, чтобы въ тамошней семинаріи довершить свое образованіе; это было въ мартѣ 1800 года. Когда онъ прибылъ въ

¹⁾ Такъ говоритъ преосв. Леонидъ въ книгѣ Сушкова (прилож. стр. 81); а въ статьѣ Н. Розанова сказано, что митр. Платонъ только въ 1800 г. произвелъ о. Михаила въ протопресвитера коломенскаго успенскаго собора (Соврем. Лѣт. 1867 г. № 45), а въ это время Василию пошелъ уже 18-й годъ.

²⁾ Въ книгѣ Сушкова говорится, что владыка, вспоминая о послѣднихъ архіереяхъ коломенскихъ, особенно любилъ говорить о Меѳодіѣ Смирновѣ (стр. 29 и Моск. Унив. Паис. стр. 16—17); но послѣднимъ коломенскимъ архіереемъ былъ Афанасій Ивановъ, и по переводѣ его въ Воронежъ, коломенская епархія упразднена, а вмѣсто ея учреждена тульская и бѣлевская, куда Меѳодій Смирновъ и былъ переведенъ первымъ епископомъ, 1799 г. апрѣля 10, изъ Воронежа (Соврем. Лѣт. 1867 г., № 41, ст. С. Смирнова, и Ист. рос. іерарх. изд. 2, стр. 358 и 457).

лавру, съ нѣсколькими изъ своихъ коломенскихъ товарищей, всѣмъ имъ было объявлено, что они будутъ понижены однимъ классомъ. Увѣренный въ познаніяхъ своего сына, отъ Михаилъ потребовалъ для него экзамена; на испытаніи предложена была коломенскому студенту задача изъ философіи: *о врожденныхъ идеяхъ*. Дали юношѣ листъ бумаги, и онъ, окруженный преподавателями, на глазахъ ректора и намѣстника, долженъ былъ писать по-латыни на заданную тему. Вопросъ былъ скоро разрѣшенъ, и пришелецъ коломенскій таки-принятъ въ философскій классъ. Ему тогда исполнилось 17 лѣтъ. Это былъ миловидный, благонравный и любознательный юноша, который скоро приобрѣлъ себѣ общее вниманіе преподавателей. Курсъ ученія его въ лаврской семинаріи, какъ мы уже знаемъ ¹⁾, прошелъ блистательно. Среди научныхъ занятій, онъ не измѣнялъ своимъ прекраснымъ развлеченіямъ: любилъ музыку, игралъ на дѣдовскихъ гусляхъ, занимался шахматной игрой и потѣшался ловлею рыбы; смѣло, съ рыбацьею сѣтью, впереди своихъ товарищей, на заводѣ ²⁾ (или, какъ говорится у рыбаковъ, на крылѣ) носился юноша по виванскимъ глубокимъ прудамъ. Въ вакаціонную пору воспитанники перебирались на отдыхъ и прогулки за 3—4 версты, подъ тѣнь дремучихъ лѣсовъ (гдѣ теперь Геосиманскій скитъ).

27 ноября 1803 года, на 21 году отъ рожденія, Василій Дроздовъ сталъ уже учителемъ въ той же семинаріи, которая дала ему окончательное образованіе. Сначала онъ препода-

¹⁾ Труды К. Д. Ак. 1867 г., № 12.

²⁾ Слово это, впрочемъ, объясняется различно: небольшой рѣчной заливъ, мѣсто, вдавшееся въ берегъ (Слов. академич.); мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ вода, ударяясь о камень или мысъ, принимаетъ обратное теченіе (Областн. слов.); тихое мѣсто въ рѣкѣ (Дополн. къ обл. слов.); заворотъ рѣки наудиротивъ омываемой ею косы; заливъ между двухъ мысовъ, глухой рукавъ, обычно идущій вверхъ, противъ течения, почему въ заводѣ и образуется родъ водоворота; низкіе болота вообще (Даль: Толковый словарь).

валъ греческій и еврейскій языки, а съ 1806 г. поэзію и реторику. Ректоръ, архимандритъ Евграфъ, прочилъ-было его на философскую кафедру; но онъ всячески уклонялся отъ такой чести, скромно сознавая себя недостаточно свѣдущимъ въ наукѣ вообще и въ философіи преимущественно. Семинарскіе классы мало дали ему содержанія; несравненно болѣе пріобрѣлъ онъ себѣ самообразованіемъ. Такъ, однажды, желая ознакомиться съ Кантомъ и добывъ его книгу «*La critique de la raison pure*», въ французскомъ переводѣ, онъ выучился французскому языку, чтобы прочесть это сочиненіе Канта. Постоянно отыскивая всевозможные источники просвѣщенія, онъ однако почерпалъ изъ нихъ научныя свѣдѣнія не безусловно, а по оцѣнкѣ ихъ здоровою критикой. Во все время пребыванія своего въ семинаріи, онъ пользовался любовью своихъ товарищей, начальниковъ, учителей, учениковъ. Мы уже знаемъ, какъ полюбилъ его митр. Платонъ. По временамъ, старецъ-святитель совершалъ литургію въ Виѣвнѣ не въ санѣ архіепископа, а по чину священника, безъ сослужащихъ, безъ омофора, и въ этихъ случаяхъ Василій Михайловичъ, еще будучи міряниномъ, исполнялъ при немъ нѣсколько лѣтъ обязанность иподіакона. Еще болѣе сдѣлался онъ дорогъ Платону, когда заявилъ себя блистательнымъ проповѣдникомъ, съ перваго же своего слова въ 1806 году. Слово это указываетъ на обычай въ Троицкой лаврѣ праздновать годовщину своего освобожденія отъ поляковъ въ 1608—1610 годахъ ¹⁾. Второе слово Василя Михайловича, произнесенное въ великій пятокъ того же года, 30 марта, явилось несравненно выше перваго: въ немъ ясно видно быстрое восхожденіе ума и духа по лѣстницѣ мышленія и вѣры; проповѣдникъ

¹⁾ Тридцать тысячъ непріятелей, въ теченіе года и четырехъ мѣсяцевъ, не одолѣли 2500 защитниковъ обители, и 12 января 1610 года осада была снята, и непріятель разсѣлся.

какъ-бы вспорхнулъ съ первой ступени на одну изъ послѣднихъ; слово его написано какъ будто чрезъ 10—15 лѣтъ послѣ перваго ¹⁾. Митр. Платонъ, будучи самъ знаменитымъ проповѣдникомъ, былъ такъ доволенъ проповѣдями Дроздова, что опредѣлили его въ должность проповѣдника при лаврѣ, *ни прежде, ни послѣ его никогда въ ней не существовавшую*, и повелѣлъ ему, мірянину и юношѣ, говорить проповѣди по очереди съ намѣстникомъ Симеономъ Крыловымъ ²⁾. Замѣтимъ, что должность проповѣдника нельзя смѣшивать съ должностью катихизатора. Катихизаторы были у насъ уже въ 1750 году, но должность проповѣдника, да еще изъ мірянъ, нигдѣ не существовала до настоящаго случая. Любуясь проповѣдями Василя Михайловича и расхваливая ихъ предъ другими, Платонъ, между прочимъ, подарилъ ему одинъ оттискъ своей «Краткой церковной россійской исторіи» ³⁾, съ такою надписью: *«Господину Дроздову, отличному проповѣднику»*. Такое вниманіе маститаго святителя глубоко радовало проповѣдника; радовало оно его и въ годы преклонной старости: уже въ 1863 году онъ съ любовію вспоминалъ объ этомъ подаркѣ и объ этой одобрительной надписи.—Дружескія чувства питалъ къ нему и ректоръ Евграфъ. Это былъ человѣкъ съ живымъ воображеніемъ, любитель мистическихъ толкованій священнаго писанія, и вліяніе его было не безслѣдно на воспріимчиваго и дружески преданнаго ему Филарета. Только однажды они было поразладили: ректоръ, по давнему обычаю въ лаврѣ, устраивая подобающую встрѣчу митр. Платону въ день его именинъ (18 ноября), предложилъ Василю Михайловичу написать въ честь владыки стихи и участвовать съ

¹⁾ Отзывъ о немъ Сущкова—стр. 72, а самое слово въ приложеніяхъ, стр. 35—39.

²⁾ Впослѣдствіи епископомъ тульскимъ, архіепископомъ ярославскимъ, † 1824.

³⁾ Слб. 1805 г. Смирд. 794.

товарищами въ сочиненномъ на заданную тему разговорѣ предъ гостями; Василий Михайловичъ стихи по-латыни написалъ ¹⁾, а отъ участія въ разговорѣ напрямикъ отказался: «это—театральное представленіе; я не желаю быть актеромъ». Но размолвка даровитыхъ людей была кратковременная; она скоро смѣнилась еще большею взаимною пріязнію и уваженіемъ, которыя не ослабѣли и въ самой разлукѣ друзей: въ началѣ 1808 года ректоръ Евграфъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, съ предназначеніемъ занять должность ректора петерб. дух. академіи по ея преобразованіи. Съ учениками своими Василий Михайловичъ обходился необыкновенно внимательно, особенно когда видѣлъ ихъ усердіе. Такъ, одинъ изъ нихъ, Никифоръ Путилинъ, въ классѣ поэзіи, сказалъ нѣкогда коротенькую импровизацію на латинскомъ языкѣ, и Василий Михайловичъ посадилъ его на первое мѣсто и съ той поры до конца не оставлялъ его своими заботливыми наставленіями.

Вѣроятно, добрая слава о Василиѣ Михайловичѣ въ семинаріи проникла и на родину его: коломенскіе учителя прислали въ Виѣнію своихъ депутатовъ, съ заручной просьбой отъ прихожанъ церкви Воскресенія, чтобы митр. Платонъ поставилъ имъ Дроздова священникомъ; не уклонялся отъ поступленія въ священство и приглашаемый: но митрополитъ, ревниво сберегая его для лавры, не отпустилъ его на родину. Коломенцы прислали депутатовъ и въ другой разъ, и опять отказалъ Платонъ просителямъ ²⁾. Безъ сомнѣнія, это обсто-

¹⁾ Изъ латинскихъ стиховъ своихъ вспомнилъ онъ нѣсколько уже въ позднѣйшіе годы и называть ихъ школьною латынью; но по мнѣнію слушавшаго ихъ Сушкова (стр. 125) это были ввучные и плавные экзаметры.

²⁾ Г. Сушковъ говоритъ, что коломенцы просили во священники Дроздова еще тогда, когда онъ былъ *студентомъ* (стр. 36), но это едва ли справедливо: самъ же г. Сушковъ говоритъ, что митрополитъ не отпустилъ на родину пропо-

ительство навело Васи́лія Миха́йловича на серьезные думы о выборѣ себѣ поприща. Не рѣшаясь самъ окончательно сладить съ этимъ вопросомъ, онъ спрашивалъ своего родителя о выборѣ званія; отецъ Михайлъ отвѣтствовалъ: *испытывай себя*. И не уклонился отъ этого совѣта молодой наставникъ. Не одинъ годъ провелъ онъ въ строгомъ испытаніи души своей, и только въ 1808 году, въ іюль, подалъ онъ прошеніе о постриженіи его въ монашество, и 16 ноября того же года повергся у раки преподобнаго Сергія новый инокъ, нареченный Филаретомъ ¹⁾. Черезъ пять дней послѣ постриженія, Филаретъ посвященъ былъ во іеродіакона. Ему тогда оканчивался 26 годъ отъ роду. Любимой мечтой юнаго инока въ это время было—удостоиться со временемъ стать *иробовымъ* у раки препод. Сергія.

Ни новое званіе, ни санъ не уклонили Филарета отъ учебныхъ занятій. Онъ велъ ихъ не только въ классѣ, но и дома. Однажды онъ приказалъ извѣстному уже намъ Путилину прійти къ нему, для исправленія составленной ученикомъ реторической темы; вдругъ среди этого занятія входитъ въ келлію намѣстникъ лавры, архим. Симеонъ, и объявляетъ Филарету, что его требуютъ въ петербургскую академію. Смутился наставникъ, но не оставилъ безъ добраго слова ученика своего: «Ну, прощай, Путилинъ—молвилъ онъ дружески—и занимайся съ такимъ же прилежаніемъ науками, какъ и пріимѣ» ²⁾. Грустно было о. Филарету покидать мирную обитель

свѣдѣнника (стр. 37), а проповѣдникомъ сталъ Васи́лій Миха́йловичъ только въ 1806 году, когда онъ три года уже былъ учителемъ.

¹⁾ Въ книгѣ г. Сушкова говорится, что постриженіе совершено было послѣ *вечери* (стр. 36); а г. Смирновъ въ своей статьѣ объ учительствѣ Васи́лія Миха́йловича, на основаніи документовъ, показываетъ, что обрядъ былъ совершенъ во время *утрени* (Соврем. Лѣтоп. 1867 г., № 44).

²⁾ Н. И. Путилинъ былъ потомъ священникомъ въ Москвѣ, въ Сласской церкви, что въ Глазной больницѣ, прослужилъ 50 лѣтъ въ санѣ священника и

препод. Сергія. Не хотѣлось и митр. Платону разстаться съ своимъ любимцемъ. «Ты радъ—сказалъ опъ ему—что тебя вызываютъ въ столицу?»—Нисколько! отвѣтилъ Филаретъ.—«Такъ тебѣ не хочется туда?»—Не хотѣлось бы.—«А коли такъ, я отстою тебя».—Благодарю.—«Подай же мнѣ прошеніе, что ты желаешь остаться въ московской епархіи».—Желалъ-бы, да сказать этого не имѣю права.—«Какъ?»—Я уже подалъ одно прошеніе: о постриженіи меня въ монашество; произнося тогда обѣтъ послушанія, отрекся я отъ своей воли—и теперь другаго прошенія подать не могу.—Какая замѣчательная черта твердости духа и глубины смиренія!.. Платонъ тогда принялъ на себя всѣ хлопоты, чтобы удержать Филарета; однако все было напрасно. Филаретъ разстался съ Платономъ. Къ пущему безпокойству Платона, потребовали отъ него въ тоже время еще двухъ учителей и префекта Евгенія Казанцева ¹⁾. Платонъ скорбно жаловался въ письмѣ къ Августину, отъ 3 января 1809 года: «хлопотъ и досадъ конца нѣтъ. Вотъ и префекта Евгенія берутъ: когда-бъ хотя Филаретъ былъ возвращенъ!» Но коммисія духовныхъ училищъ, увлекаясь заботою о преобразованіи спб. дух. академіи, подорожила извѣстнымъ ей своими дарованіями Филаретомъ, о которомъ сверхъ того сильное слово замолвилъ и ректоръ академіи Евграфъ. Филаретъ болѣе не вѣдался съ Платономъ; но съ той поры и до послѣднихъ дней своихъ онъ вспоминалъ о Платонѣ съ особеннымъ уваженіемъ и признательностію.

былъ живъ еще въ концѣ 1865 года; онъ навѣрно былъ уже послѣднимъ живущимъ ученикомъ изъ всѣхъ бывшихъ питомцевъ Филарета.

¹⁾ Впослѣдствіи архіеп. рязанскаго, нынѣ синодальнаго члена, управляющаго Дюпекимъ монастыремъ.

2. *Пріѣздъ въ Петербургъ; жизнь у ректора академіи; вниманіе митрополита; знакомство съ кн. А. Н. Голицынымъ; первая встрѣча съ преосв. Теофилактомъ рязанскимъ; первая служебныя обязанности; перемѣщеніе въ академію; проф. Фесслеръ; неприязнь преосв. Теофилакта; вниманіе кн. Голицына; исполненіе порученія импер. Елисаветы.*

Въ началѣ 1809 года, въ свѣтлый день Богоявленія, на зарѣ, въѣхала въ заставу Петербурга рогожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядываетъ чудеса столицы молодой іеродіаконъ, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ и въ раздумьи достигаетъ александровской лавры. Тамъ ожидалъ его прежній наставникъ, неизмѣнный другъ, добрый, почтенный о. Евграфъ, правившій должность ректора академіи¹⁾; у него Филаретъ и пріютился на первое время. И хозяинъ и гость небольшія имѣли средства къ жизни; помѣщеніе ихъ было до того тѣсно, что негдѣ было поставить кровать для гостя, и онъ клалъ свою постель на полу. И два мѣсяца, до полученія постоянной должности, о. Филаретъ прожилъ у своего добраго друга. Въ первые же дни по пріѣздѣ нужно было молодому іеродіакону явиться къ первосвятителю и членамъ комисіи духовныхъ училищъ, и ректоръ Евграфъ взялся его представить, кому слѣдовало. Намъ ничего неизвѣстно о первой встрѣчѣ Филарета съ митр. Амвросіемъ; по можно думать, что пріемъ у митрополита былъ ласковъ: Амвросій зналъ, какъ сильно любилъ Филарета Платонъ, зналъ то высокое мнѣніе, какое маститый славою святитель имѣлъ о расцвѣтающемъ проповѣдникѣ, зналъ не одно

¹⁾ Г. Чистовичъ говоритъ, что Евграфъ 30 октября 1808 г. утвержденъ въ должности ректора (стр. 130); а г. Смирновъ показываетъ, что это было 4 февраля 1809 года (Истор. тр. лавр. семин. стр. 489—490): что за противорѣчіе въ документальныхъ книгахъ!

сердечно-скорбящее моленіе архипастыря Москвы о возвращеніи ему даровитаго іеродіакона. Впрочемъ, вниманіе святителя къ Филарету скоро обнаружилось довольно замѣтно. Разъ какъ-то, вѣроятно предъ масленицей, въ таврическомъ дворцѣ былъ праздникъ; приглашено было и духовенство—полюбоваться на великолѣпный фейерверкъ. Отправляясь на праздникъ, митр. Амвросій взялъ съ собой и Филарета. Мало того: онъ тамъ же успѣшилъ представить его оберъ-прокурору Синода князю А. Н. Голицыну ¹⁾. Совсѣмъ другаго рода было знакомство Филарета съ преосв. Ософилактомъ калужскимъ, только-что пожалованнымъ въ санъ архіепископа ²⁾. Не могъ не слышать доброй молвы о московскомъ

¹⁾ Забавна была эта первая встрѣча Филарета съ оберъ-прокуроромъ. Блестящая и пестрая обстановка праздника, разнообразный составъ его, яркій свѣтъ, несмолкающій говоръ, музыка—все это изумило недавняго обитателя Сергіевой пустыни. Вдругъ видитъ онъ, какой-то небольшого росту господинъ, съ звѣздой и лентой, въ плащъ и треугольной шляпѣ и въ какой-то шелковой пакидѣ сверхъ вышитаго мундира, взошелъ на хоры, гдѣ чинно расположилось духовенство. Вертляво рассказывая посреди членовъ св. Синода, онъ киваетъ имъ головой, пожимаетъ ихъ руки, мимоходомъ заиросто молвить словцо тому или другому, и никто изъ нихъ не дивится ни на его нарядъ, ни на свободное обращеніе его съ ними. «Странное существо!»—думать, глядя на него, Филаретъ. Вдругъ митрополитъ беретъ его за руку, подводитъ къ вертлявому господину и объясняетъ, откуда и когда прибылъ инокъ; а инокъ, не зная, къ кому его подвели и о чемъ съ нимъ говорить, разсѣяннo поклонился ему, молча поглядѣлъ на него и отошелъ въ сторону. Когда маленькій господинъ удался, Филаретъ спросилъ: кто же это?—«Нашъ оберъ-прокуроръ!»—отвѣчали ему.... Вспоминая объ этой встрѣчѣ своей съ Голицынымъ, Филаретъ уже въ недавнее время говорилъ П. П. Сушкову: «какимъ же неулыжымъ дикаремъ я показался ему тогда! Что онъ долженъ былъ подумать обо мнѣ? И теперь смѣшно, какъ придетъ на память мое невѣдѣніе свѣтскихъ условій, мое недоумѣніе при взглядѣ на его домино, мое неловкое отъ него удаленіе. И совсѣмъ растерялся въ этомъ шумѣ и суматохѣ. Да и какъ же мнѣ было знать, что домино есть принадлежность маскарадовъ, о которыхъ я и не слыхивалъ... Смѣшонъ былъ я тогда въ глазахъ членовъ Синода. Такъ я и остался чудакомъ». (Сущк. стр. 224).

²⁾ 25 дек. 1808 г.; а въ 1809 г. марта 5 переведенъ въ Рязань, съ оставленіемъ въ Синодѣ, гдѣ и пробылъ онъ до конца 1813 года.

учителѣ честолюбивый Теофилактъ и готовился встрѣтить его подозрительно. Притомъ, у Теофилакта въ это время былъ свой любимецъ, вызванный, по его же указанію, изъ Калуги, въ одно время съ Филаретомъ и другими избранниками. Это былъ учитель философіи и префектъ калужской семинаріи, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій. Благодаря стараніямъ Теофилакта, онъ былъ опредѣленъ въ академію бакалавромъ словесныхъ наукъ, т. е. помощникомъ самого Теофилакта, который былъ профессоромъ этихъ наукъ ¹⁾. И вотъ, когда Филаретъ впервые явился къ нему, онъ принялъ своего гостя натянуто-вѣжливо и тутъ же сталъ испытывать, какія свѣдѣнія онъ вынесъ изъ семинаріи; Филаретъ выдержалъ неожиданный экзамень бодро и стойко. Теофилактъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ стараній смутить и сбить новичка, съ важностію спросилъ наконецъ: «что есть истина?» Филаретъ далъ ему опредѣленіе истины въ смыслѣ логическомъ, физическомъ, математическомъ и т. д.; но Теофилактъ съ досадою сказалъ: «не то, всего этого мало; вообще, что есть истина?» Ректоръ Евграфъ, введенный Филарета, поспѣшилъ промолвить при этомъ: «вопросъ Платовъ въ евангеліи остался безъ отвѣта». Теофилактъ умолкъ.—Тѣмъ и окончился неожиданный экзамень. Такъ непривѣтливо обошелся самолюбивый Теофилактъ съ молодымъ іеродіакономъ.... Не здѣсь-ли таится причина первыхъ неудачъ Филарета въ опредѣленіи его въ академію? Добрый ректоръ ея, немедленно по пріѣздѣ Филарета, сталъ было заботиться объ устройствѣ судьбы его: три раза ходатайствовалъ онъ о назначеніи его бакалавромъ, и три раза встрѣтилъ неудачу. И только 1 марта 1809 года, по разсмотрѣніи представленнаго Филаретомъ конспекта словесности, комиссія духовныхъ училищъ назначила его—іеродіакона—

¹⁾ Истор. Сиб. Д. Ак. Чьстовица, стр. 183, 201.

инспекторомъ с.-петербургской семинаріи, съ званіемъ академическаго бакалавра, и профессоромъ философскихъ наукъ. 28 марта, въ первый день праздника Пасхи, въ александровской лаврѣ, Филаретъ былъ посвященъ въ іеромонаха ¹⁾. Вѣроятно, съ этой поры начинается сближеніе Филарета съ самимъ митрополитомъ. Личныя достоинства Филарета, которыми онъ немедленно обратилъ на себя вниманіе комиссіи духовныхъ училищъ, его уроки, его жизнь, бесѣды съ нимъ—все влекло къ нему первосвященителя. Впослѣдствіи, къ этому присоединилась, можетъ быть, еще немалая причина—желаніе имѣть въ молодомъ іеромонахѣ, которому все обѣщало блистательную карьеру, сильнаго пособника въ столкновеніяхъ съ властолюбивымъ соперникомъ—архіеп. Теофилактомъ. Годъ, однако, промель, пока Филаретъ перемѣщенъ былъ въ академію. Тамъ въ это время скончался его добрый другъ, ректоръ Евграфъ (11 ноября 1809 г.), и мѣсто его занялъ архим. Сергій, изъ ректоровъ моск. академіи. Уже при Сергѣи, 8 февраля 1810 года, Филаретъ назначенъ былъ въ академію бакалавромъ богословскихъ наукъ и преподавать въ ней сначала догматическое богословіе, въ пособіе ректору, и церковную исторію, а чрезъ полгода—исторію и древности церковныя. Нельзя не удивляться силамъ человѣка, который въ теченіе полугодія долженъ былъ принять на себя три каеэдры, который долженъ былъ преподавать то, что не было ему преподано, и который въ одно время и преподавалъ, и составлялъ конспекты, и писалъ цѣлыя книги въ руководство. Своими уроками по священной исторіи и толкованію священнаго писанія Филаретъ скоро снискалъ себѣ особенное ува-

¹⁾ На стр. 38-й г. Сушковъ говоритъ, что Филаретъ «въ этотъ день усердно отслужилъ *два литургіи*: одну еще діакономъ, другую уже возносителемъ безкровной жертвы». Какъ? въ одинъ и тотъ же день двѣ литургіи?! Да возможно ли это!...

женіе студентовъ и возбудилъ въ нихъ большую охоту изучать священное писаніе ¹⁾. Для церковной исторіи и древностей онъ сдѣлалъ все, что могъ, и сдѣлалъ первый въ Россіи ²⁾. Мало того: ему приходилось не только вести свое дѣло, но еще нести труды посторонніе. Какъ извѣстно, это была пора устройства спб. дух. академіи, и правительство заботливо отыскивало для нея ученѣйшихъ преподавателей. Между прочими, вызванъ былъ изъ Берлина, по рекомендаціи профессора спб. педагогическаго института Лодія, послѣдователь Канта, докторъ правъ, Игнатій Фесслеръ. Бывшій капуцинъ, а послѣ лютеранинъ, бывшій профессоръ восточныхъ языковъ и философіи въ лембергскомъ университетѣ, а послѣ адвокатъ въ Берлинѣ, Фесслеръ былъ ревностнѣйшимъ масономъ, человѣкомъ необыкновенно умнымъ, съ блестящимъ даромъ слова. Но нравственныя правила его, по слухамъ, были не завидны, и по тому вызову его сопротивлялся было архіеп. Теофилактъ и уступилъ настояніямъ только кн. Голицына и Сперанскаго, изъ коихъ послѣдній былъ его соученикомъ и другомъ. Прибывъ въ Россію въ январѣ 1810 года, Фесслеръ получилъ каведру еврейскаго языка и каведру философіи. Для занятія послѣдней, Фесслеръ написалъ по-латыни конспектъ философскихъ наукъ. Такъ какъ въ комисіи духовныхъ училищъ, гдѣ нужно было обсудить конспектъ Фесслера, были и такіе члены, которые не разумѣли латинскаго языка, то оказалось нужнымъ перевести его на русскій, и этотъ переводъ сдѣланъ былъ

¹⁾ Слушая его уроки, приобрѣлъ особую наклонность къ изслѣдованію свящ. писанія извѣстный впоследствии прот. Павскій, который, въ живомъ стремленіи дойти до самаго корня науки, въ совершенствѣ изучилъ еврейскій языкъ и написалъ потомъ грамматику, составилъ хрестоматію и лексиконъ этого языка.

²⁾ *Понятіе о наукъ церковныхъ древностей*, составленное въ 1810 году, напечатано у Чистовича, стр. 211—213. Въ хронологическомъ спискѣ нашихъ оно случайно опущено.

бакалавромъ Филаретомъ ¹⁾. Въ это время въ иностранныхъ журналахъ появилась строгая рецензія одного сочиненія Фесслера; переданная превратно на русскомъ языкѣ, она подала поводъ къ нападеніямъ на Фесслера и въ Россіи. Теофилактъ потребовалъ конспектъ академическихъ курсовъ Фесслера и представилъ въ комиссію духовн. училищъ свои жесткія замѣчанія на него ²⁾. Дѣйствительно, въ конспектѣ Фесслера, подъ внѣшнимъ видомъ благочестія, были паренія ума, уключившагося отъ прямыхъ основаній знанія и благочестія; но Теофилактъ отнесся къ нему ужь слишкомъ строго: онъ считалъ Фесслера иллюминатомъ, пантеистомъ, и, не входя въ полемику съ *нѣмецкимъ* профессоромъ, прямо потребовалъ его удаленія. Не смотря на защиту Сперанскаго, Фесслеръ долженъ былъ уже въ маѣ того же года подумывать объ удаленіи своемъ изъ академіи, а въ іюлѣ онъ уволился изъ академіи ³⁾ и поступилъ въ комиссію составленія законовъ. Это поссорило Сперанскаго и кн. Голицына съ Теофилактомъ. Исторія съ Фесслеромъ достаточно показала Филарету, что за человѣкъ—преосв. рязанскій, и сдѣлала отношенія ихъ еще болѣе натянутыми. Впрочемъ, Филаретъ съ своей стороны не давалъ никакого повода къ усиленію непріязни между нимъ и Теофилактомъ; но Теофилактъ чувалъ въ немъ сильнаго противника себѣ и безтактно былъ холоденъ съ нимъ. Въ 1810 г. митр. Амвросій поручилъ Филарету говорить по

¹⁾ Переводъ напечатанъ у Чистовича, стр. 193—196.

²⁾ Чтенія въ общ. исторіи и древн. росс. 1859 г. кн. 2-я. Замѣчанія Теофилакта (говоритъ архіеп. Филаретъ черниговскій) немного дѣлаютъ чести узкому кондильяковскому уму его. Обзоръ дух. лит. 1863. II. 209. А извѣстный архимандритъ Фотій, напротивъ, писалъ: безбожный Фесслеръ *ангелъ тѣмъ въ плоти*.

³⁾ Жизнь графа Сперанскаго, I, 256—259; Исторія слб. дух. акад. стр. 249. Въ началѣ настоящаго труда (Тр. К. Д. Ак. 1867, № 12, стр. 535—536), со словъ Стурдзы, ошибочно сказано было, что въ удаленіи Фесслера изъ академіи участвовалъ Филаретъ; все дѣло произошло отъ Теофилакта.

временамъ проповѣди въ лаврѣ; отъ 1810 года дошло до насъ одно только слово его въ день Благовѣщенія, но вѣроятно ихъ было больше, такъ какъ въ 1811 году словъ Филарета извѣстно намъ уже 8. Для его проповѣдыванія были назначаемы великіе праздники, торжественные случаи; такъ въ 1811 году встрѣчаемъ напр. слова его на Пасху (2 апр.) и въ день Пятдесятницы (21 мая), на освященіе Казанскаго собора и т. п. О первомъ словѣ сторонники Теофилакта говорили, что это не проповѣдь, а ода въ прозѣ; но она очень понравилась митрополиту, и онъ посовѣтовалъ Филарету написать новую проповѣдь, къ Троицыну дню, когда въ лаврѣ, по случаю храмоваго праздника, бываетъ большое собраніе первыхъ лицъ столицы. Слово на этотъ праздникъ, на тему *о дарахъ Св. Духа*, произвело сильное впечатлѣніе на слушателей; завистливый Теофилактъ не могъ вынести успѣха и, ни съ того-ни съ сего, нанесъ тяжелое оскорбленіе Филарету: когда послѣ литургіи, за трапезой въ покояхъ митрополита, зашла рѣчь объ этой проповѣди, то Теофилактъ вдругъ заявилъ, что въ ней преподается *пантеизмъ*. Подобная выходка за обѣдомъ, передъ духовными властями, при постороннихъ гостяхъ и на глазахъ прислуги за столомъ—явное недоброжелательство старшаго лица къ младшему. Если-бы такое тяжелое слово «пантеизмъ» сорвалось съ языка въ разгарѣ спора, это было-бы еще извинительно; но тутъ былъ злой умыселъ: Теофилактъ передъ обѣдней попросилъ смиреннаго іеромонаха показать ему приготовленную проповѣдь, прочелъ ее и возвратилъ, молча, безъ малѣйшаго замѣчанія. Ясно, что выходка его была задумана заранѣе. Она однако не прошла безслѣдно: Лабзинъ, извѣстный издатель Сіонскаго Вѣстника, первый вступилъ въ преніе ¹⁾; митр. Амвросій

¹⁾ Самый сильный и самый даровитый поборникъ мистицизма, ученикъ Новикова, человекъ строгой нравственности, Лабзинъ издавалъ «Сіонскій Вѣст-

также вступился за обижаемого: софизмы діалектика—опровергнуты. Огорченный проповѣдникъ молчалъ. Но послѣ обѣда, прогуливаясь по саду, онъ сказалъ ректору духовной академіи Сергію, ректору семинаріи Антонію и бакалавру Леониду, что если онъ—пантеистъ, то и они трое, и преосвящ. Меѳодій, архісп. тверскій (бывшій тогда въ Петербургѣ), и наконецъ самъ митрополитъ—пантеисты, такъ-какъ всѣ они читали его проповѣдь, прежде чѣмъ она была сказана, и не возразили на заключающееся будто-бы въ ней ученіе пантеизма, а одобрили ее; онъ жаловался имъ, что невеликодушно нападать на человѣка незнаемаго, новаго, что на него нетрудно накинуть темную тѣнь и пустить всякіе о немъ толки и пр. и пр. Митрополитъ, однако, поддержалъ своего проповѣдника: снова прочитавъ внимательно его проповѣдь, онъ далъ ее на разсмотрѣніе Меѳодію тверскому, который въ подобныхъ дѣлахъ считался авторитетомъ. Меѳодій, прочитавъ проповѣдь, написалъ: «достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ». Тогда Амвросій послалъ ее, вмѣстѣ съ отзывомъ Меѳодія, кн. Голицыну. Князь, прочтя проповѣдь, заявилъ въ синодѣ, что ее надо напечатать, какъ замѣчательную по духу и изложенію ¹⁾. Мало того, нѣсколько напечатанныхъ проповѣдей его онъ представилъ Государю; Императоръ остался доволенъ, и 30 іюня того же года Филаретъ, въ санѣ іеромонаха, былъ всемилостивѣйше пожалованъ за отличіе въ проповѣданіи слова Божія наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Это былъ чуть ли не первый примѣръ подобной милости къ іеромонаху ²⁾. А черезъ недѣлю послѣ этого, 8 іюля, Филаретъ

никъ» въ 1806 г.; но тогда немногіе еще читали его (въ 1806 году вышло всего девять книжекъ). Сильное вліяніе его обнаружилось послѣ, какъ увидимъ далѣе.

¹⁾ Сушковъ, стр. 94—95. Русск. Вѣстн. 1868 г., апрѣль, стр. 503.

²⁾ Незадолго передъ тѣмъ, въ февралѣ 1811 года, подобной же награды удостоенъ былъ только ректоръ академіи, архим. Сергій.

возведенъ былъ въ санъ архимандрита. Въ сентябрѣ назначено было освященіе Казанскаго собора. Государь изъявилъ желаніе, чтобы проповѣдь при этомъ сказана была Филаретомъ. Освященіе происходило 15 сентября, въ день коронаціи Императора Александра. Въ первый разъ еще являлся Филаретъ на церковной каѳедрѣ предъ лицомъ Государя, всей императорской фамиліи, высшихъ государственныхъ чиновъ, двора, дипломатическаго корпуса. И проповѣдь его произвела впечатлѣніе на Государя. Черезъ нѣсколько дней Филаретъ снова говорилъ проповѣдь, при погребеніи графа А. С. Строганова, и снова въ присутствіи Государя. Такимъ образомъ, въ короткое время Филаретъ сдѣлался знаменитостью въ цѣлой столицѣ. Кн. Голицынъ, изъ особеннаго вниманія къ проповѣднику (а отчасти, можетъ быть, наперекоръ Теофилакту, съ которымъ онъ разошелся изъ-за Фесслера), просилъ митрополита поручить Филарету говорить проповѣди въ каждый праздникъ, и постоянно посѣщать по праздникамъ лавру, вмѣстѣ съ Лабзинымъ и другими лицами, къ которымъ постепенно присоединялись—директоръ публичной библіотеки, статсъ-секретарь А. Н. Оленинъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ А. И. Тургеневъ, дипломатъ А. С. Стурдза и друг. Послѣдній и въ поздніе годы сохранилъ живое воспоминаніе, что Филаретъ въ ту пору, съ духовной каѳедры, уже плѣнялъ слушателей своихъ силою и глубиною слова. Безъ сомнѣнія, въ это же время произошло сближеніе Филарета съ Сперанскимъ; по крайней мѣрѣ, въ числѣ бумагъ Сперанскаго найденъ былъ сдѣланный Филаретомъ переводъ сочиненія Фесслера о философіи древней и новой, или восточной и западной. И если переводы Филарета не указываютъ на сближеніе его съ Сперанскимъ, то они намекаютъ на близость его къ Фесслеру и на немирныя отношенія къ Теофилакту. Итакъ, положеніе Филарета съ этой поры утвердилось прочно, значеніе его усиливалось,

*

и близость его къ первосвятителю была уже такъ замѣтна, что къ его ходатайству начали прибѣгать въ разныхъ случаяхъ. Раздраженный Теофилактъ прибѣгнулъ къ новой, неблаговидной выходкѣ. Онъ любилъ въ своихъ проповѣдяхъ касаться современныхъ событій и иногда дѣлалъ очень сильныя намеки. И вотъ «въ одной изъ своихъ проповѣдей 1811 года онъ представилъ преклоннаго старца, обремененнаго дѣлами, вмѣсто котораго управляетъ молодой человѣкъ по своей волѣ, прикрываясь авторитетомъ старца, которымъ успѣлъ онъ овладѣть совершенно. Весь Петербургъ заговорилъ, что этотъ намекъ направленъ прямо противъ митрополита Амвросія и бакалавра Филарета. Преосв. Амвросію крайне было досадно, но онъ не зналъ, какъ заградить уста Теофилакту, боясь, что онъ, пожалуй, и впредь не будетъ оставлять его въ покоѣ. Филаретъ указалъ на средство заградить уста. По его совѣту, во время засѣданія въ синодѣ, митрополитъ раскрылъ *Кормчую*, и молча положивъ ее предъ Теофилактомъ, указалъ пальцемъ на слѣдующее мѣсто: «Да не будетъ позволено епископу во иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, всенародно учить, аще ли же кто усмотрѣнъ будетъ творящій сіе, да престанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства». Теофилактъ промолчалъ и съ тѣхъ поръ не проповѣдывалъ въ Петербургѣ» ¹⁾).

Около этого времени императрица Елисавета Алексѣевна пожелала узнать ближе, въ чемъ разнятся между собою церкви православная и латинская. Задачу эту предложено было разрѣшить, непосредственно на основаніи священнаго писанія, троимъ ученымъ догматикамъ—архіепископамъ Теофилакту рязанскому, Мвеедію тверскому и архимандриту Филарету. Три мнѣнія ихъ, при особой исторической запискѣ о раздѣ-

¹⁾ Русск. Вѣсти. 1868, № 1, ст. II. М. «Изъ прошлаго».

лени церкви на восточную и западную, были представлены князем Голицынымъ Государынѣ; но какая судьба постигла эти рукописи и гдѣ онѣ теперь—неизвѣстно. Къ счастью, у профессора московскаго университета, О. М. Бодянскаго, сохранилось въ вѣрномъ спискѣ, вмѣстѣ съ другими двумя, и мнѣніе Филарета, подъ заглавіемъ: *Изложеніе о разности между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры*. Изложеніе, сверхъ краткаго введенія, заключаетъ въ себѣ 8 отдѣловъ: 1) объ источникѣ ученія вѣры, 2) о Богѣ, 3) о поврежденномъ состояніи человѣка, 4) о ходатаѣ, 5) о благодати, 6) о таинствахъ, 7) о церкви, 8) о будущей жизни. Ученіе церкви восточной въ одномъ столбцѣ сопоставлено съ ученіемъ церкви западной въ другомъ. Выводы изъ самаго сопоставленія объяснены въ примѣчаніяхъ подъ каждымъ параграфомъ. Трудъ, совершенный для Государыни, привлекъ къ Филарету еще болѣе вниманія Государя, и это вниманіе скоро сказалося особенно нѣжнымъ и трогательнымъ образомъ: въ концѣ 1811 года Государь, ради заслугъ Филарета, почтилъ наградой его отца, еще здравствовавшаго въ Коломнѣ. Вниманіе Государя, конечно, повліяло на дальнѣйшее повышение Филарета.

3. Филаретъ—ректоръ академіи; дружба кн. А. Н. Голицына; основаніе библейскаго общества; бесѣды съ А. Н. Оленинымъ о 1812 г.; столкновеніе съ прѣосв. Теофилактомъ; отзывы Сперанскаго; монаршая награда; предложеніе Оленина; внимательность къ Державину; молитва; труды по академіи; рескриптъ Государя; проповѣдь въ придворной церкви; вліяніе на кн. Голицына; утвержденіе его племянника въ православіи; щедрая внимательность; кончина отца; ученые труды; переводъ евангелія на русскій языкъ; Карамзинъ; мистицизмъ; знакомство съ А. С. Стурдзои; назначеніе викаріемъ.

3 марта, 1812 года, ректоръ слб. академіи, архим. Сергій, былъ назначенъ во епископа костромскаго; открыва-

лась вакансія ректора. Преосв. Теофилактъ прочилъ на это мѣсто своего помощника по профессурѣ въ академіи, архим. Леонида, котораго онъ же и вызвалъ изъ Калуги въ Петербургъ. Леонидъ преподавалъ въ академіи эстетику, подъ руководствомъ Теофилакта, и уже въ 1811 году былъ возведенъ въ санъ архимандрита; въ это время преосв. Теофилактъ желалъ сложить съ себя званіе профессора и доставить его своему помощнику, и поэтому отозвался о немъ предъ коммисією въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ ¹⁾. И дѣйствительно, въ уваженіе рекомендаціи Теофилакта, Леонидъ въ 1812 г. былъ сдѣланъ профессоромъ. Открывъ такимъ образомъ путь къ извѣстности своему любимцу, Теофилактъ усиливался всѣми средствами доставить ему важную должность ректора академіи. Но всѣ его усилія оказались напрасными. Филаретъ, съ первой поры появленія своего въ академію, опередилъ Леонида въ мнѣніи митр. Амвросія и нѣкоторыхъ членовъ Синода, обратилъ на себя вниманіе оберъ-прокурора, вліятельныхъ лицъ, многочисленныхъ слушателей его проповѣдей, наконецъ —самого Государя и всего царскаго Дома. Съ такимъ соперникомъ бороться было очень трудно, и 11 марта 1812 г. онъ былъ опредѣленъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ. Понятно, что постоянное недоброжелательство къ нему Теофилакта усилилось съ этой поры еще болѣе. Скоро послѣ этого, Филаретъ былъ приглашенъ для проповѣди въ придворную церковь (въ великій пятокъ, 19 апрѣля); но впечатлѣній Двора отъ его проповѣди не знаемъ, и самая проповѣдь, напечатанная отдѣльно, не вошла ни въ одно собраніе его словъ, рѣчей и бесѣдъ. Всего чаще говорилъ онъ въ это время слова свои въ домово́й церкви оберъ-прокурора кн. Голицына, освященной 1 октября того

¹⁾ Истор. спб. д. акад. стр. 251. Надо замѣтить, что преосв. Теофилактъ читалъ лекціи въ академіи безъ жалованья (тамъ же, стр. 265).

же года, и всякая проповѣдь его являлась событіемъ, о которомъ толковали, шумѣли. Такъ, при этомъ освященіи, Филаретъ сказалъ слово, которое выслушали съ глубокимъ вниманіемъ и много тогда хвалили ¹⁾. Уже по этому частому проповѣдыванію можно видѣть, что отношенія кн. Голицына къ архимандриту Филарету сдѣлались самыя дружескія. Князь даже очень желалъ стать духовнымъ сыномъ своего друга; но мудрый другъ не согласился быть его духовникомъ: короткость ихъ сношеній и нѣкоторая зависимость одного отъ другаго были безъ сомнѣнія главной причиной его отказа. Обстоятельства однако сближали ихъ болѣе и болѣе.

Въ концѣ 1812 года возникло въ Россіи *Библейское общество*. Существованіемъ своимъ оно обязано англійскому библ. обществу: агенты послѣдняго, Пинкертсонъ и Гендерсонъ, усердно проповѣдывали въ Петербургѣ о пользѣ такого учрежденія и, познакомясь съ княгиней С. С. Мещерской ²⁾ и кн. А. Н. Голицынымъ, подѣйствовали на нихъ такъ, что кн. Голицынъ внесъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о настоящемъ образованіи библейскаго общества, и докладъ его былъ Высочайше утвержденъ 6 декабря 1812 года. Главною и единственною цѣлью общества было—способствовать въ Россіи большему употребленію Библии, безъ всякихъ на нее

¹⁾ Его нѣтъ ни въ одномъ изданіи словъ и рѣчей высокопреосв. Филарета; почему же? вотъ отвѣтъ на это самого автора, высказанный въ позднѣйшее время: «Поясняя значеніе разныхъ предметовъ и обрядовъ, усвоенныхъ чину освященія храмовъ, я тогда объяснял иное по собственнымъ соображеніямъ, произвольно, пожалуй—гадательно. А тутъ требуется вообще догматическое и историческое основаніе каждому толкованію. Не должно опираться на личныя умозрѣнія тамъ, гдѣ нѣтъ такого основанія, ни даже—преданія». Таковъ отзывъ о проповѣди, сказанной уже ректоромъ академіи.

²⁾ Княг. Софія Сергѣевна Мещерская пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Императора Александра и принимала участіе въ духовныхъ дѣлахъ того времени. Князь П. С. Мещерскій съ 1817 г. сталъ оберъ-прокуроромъ Синода.

примѣзаній и посяженій, для этого доставлять жителямъ всея Россіи библіи на разныхъ языкахъ, за самыя умеренныя цѣны, а бѣднымъ и безъ всякой платы. Средства его составились изъ подписки, добровольныхъ приношеній и ежегодныхъ взносовъ членовъ общества ¹⁾. Въ Петербургѣ образовался главный комитетъ, управлявшій дѣлами общества, а въ разныхъ мѣстахъ Россіи предположено было открыть частныя отдѣленія общества. Президентомъ общества и самымъ сильнымъ ревнителемъ его былъ кн. А. Н. Голицынъ; дѣятельнѣйшими членами Филаретъ и Лабзинъ,—Филаретъ—по искреннему желанію, чтобы слово Божіе было доступно для всѣхъ, Лабзинъ—отчасти изъ надежды сдѣлать общество органомъ и охраною мистицизма и распространить свои мнѣнія по всему лицу земли русской. Но развитіе дѣятельности общества относится къ позднѣйшему времени ²⁾.

Въ теченіе всего 1812 года въ цѣлой Россіи только и говорили что объ отечественной войнѣ во всѣхъ ея отношеніяхъ—патріотическомъ, политическомъ, стратегическомъ и т. под. Филаретъ, издавна замѣчавшій и оцѣнявшій событія съ точки зрѣнія религіозной, взглянулъ и на скорбно-славную годину, какъ мыслитель религіозный, и нерѣдко бесѣдовалъ въ этомъ духѣ съ А. Н. Оленинымъ. Чуткій собесѣдникъ его тогда же замѣтилъ, какъ глубоко отличаются сужденія инока отъ общаго говора о недавнихъ происшествіяхъ, и не одинъ разъ уговаривалъ о. архимандрита передать на бумагѣ свои взгляды и выводы, наконецъ отнесся къ нему печатнымъ письмомъ отъ 5 января 1813 г. Но недосуги, при занятіяхъ

¹⁾ Библиогр. Зап. 1859 г., стр. 118—122. Отчетъ общества за 1821 годъ. Спб. 1822, стр. 44, 175.

²⁾ Для изученія дѣятельности Библейскаго общества въ Россіи, слѣдовало бы ознакомиться съ источниками, указанными у Смирдына, подъ № 994 и 2778 до 2792; но мы не могли ихъ имѣть подъ рукою.

по новой должности ректора академіи, долго не позволяли Филарету исполнить усердное желаніе Оленина, и только въ маѣ 1813 года было напечатано *«Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года»*. Мы знаемъ уже, какое вліяніе, какіе толки произвело оно въ петербургскомъ обществѣ.

Въ 1813 году Филарету пришлось сильно задѣть самолюбіе преосв. Теофилакта по слѣдующему поводу. Около этого времени проникло въ Россію сочиненіе члена берлинской академіи наукъ Ансильона ¹⁾: *«Эстетическія разсужденія»*. Лица, занимавшіяся у насъ философіею и словесными науками, увлеклись доступностію изложенія и кажущейся ясностію слога Ансильона, и заговорили о немъ съ довѣріемъ и уваженіемъ; въ числѣ этихъ лицъ были преосв. Теофилактъ и бакалавръ его архим. Леонидъ. Въ увлеченіи своемъ они не замѣтили, что со многими дѣльными мыслями Ансильона, какъ эстетика, переплелись неправильныя понятія и представленія, какъ философа и христіанина, и начали его читать, изучать, преподавать. Впечатлительный Теофилактъ увлекся книгой Ансильона до того, что поручилъ Леониду перевести ее, и самъ принялъ нѣкоторое участіе въ переводѣ. Подъ наблюденіемъ его книга была и издана въ 1813 году, подъ заглавіемъ: *«Эстетическія разсужденія Ансильона, перев. съ франц. студентами спб. духовной академіи, подъ руководствомъ Теофилакта, архіепископа рязанскаго»*. Филаретъ, какъ ректоръ академіи, обратилъ вниманіе на сущность перевода своихъ студентовъ и скоро увидѣлъ необходимость подвергнуть строгой критикѣ самую книгу Ансильона. Онъ написалъ

¹⁾ Предки его переселились изъ Франціи за Рейнь во времена гоненій на протестантовъ (Сущк. стр 31).

на нее примѣчанія ¹⁾ и въ нихъ указаль на разсѣянные въ книгѣ Ансильона языческія воззрѣнія на религію, смѣшеніе золотаго миѣческаго вѣка съ райскими днями первосозданнаго человѣка, мѣстами—пантеизмъ и матеріализмъ; указаль на дикое чествованіе рыцарства за то, что оно якобы довершило дѣло религіи, ратуя за прекрасный полъ; обнаружилъ неясныя представленія эстетика о Богѣ, несогласіе иныхъ сужденій съ ученіемъ православной церкви, непониманіе сущности св. таинствъ и обрядовъ богослуженія. Издатель перевода, честолюбивый архіепископъ рязанскій, запальчиво вступился за Ансильона, запальчиво до того, что не удержался въ своемъ *опроверженіи примѣчаній* отъ нѣскольکو неприличныхъ, невѣрныхъ и странныхъ возраженій; онъ старался защитить заблужденія своего эстетика разными средствами—и понятіями язычниковъ о религіи, и искусствомъ древнихъ, и пѣснями Гомера, и писаніями протестантовъ и реформаторовъ ²⁾. Въ заключеніе своего опроверженія, Теофилактъ не устыдился уклониться наконецъ подъ защиту св. Синода, напомнивъ рецензенту, что будто-бы съ дозволенія Синода переводъ книги Ансильона дважды напечатанъ ³⁾. Говорять, впрочемъ, что еще до выхода перевода были разсматриваемы въ комисіи духовныхъ училищъ какъ замѣчанія Филарета, такъ и возраженія Теофилакта, и что противъ Теофилакта оказался

¹⁾ Въ книгѣ г. Сушкова (стр. 94) сказано, что «Примѣчанія» написаны профессоромъ философіи; но вѣдь въ 1813 г. Филаретъ былъ уже ректоромъ академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ.

²⁾ Его опроверженія остаются въ рукописи; они задержаны цензурою, «потому-что въ нихъ находились отрывы о католичествѣ и сужденія о предметахъ, которые могутъ возбудить соблазнъ и слабыхъ повести къ паденію». Ж. М. Н. Пр. 1866. Ноябрь, ст. М. И. Сухомлинова, стр. 24.

³⁾ Въ каталогахъ однако мы встрѣтили только одно изданіе—1813 года: Смирд. 6412 и Сопк. IV, 9684.

одинъ Амвросій, а всѣ прочіе члены комисіи единогласно отвергли замѣчанія Филарета, послѣ чего книга и вышла въ свѣтъ ¹⁾. Но едва-ли и въ этомъ случаѣ побѣда осталась вполне на сторонѣ Теофилакта: препирательство его происходило, какъ говорятъ, въ 1811 году, а книга явилась только въ 1813 году; далѣе—книгѣ его все-таки не дано ходу, и она скоро скрылась изъ глазъ публики ²⁾. Самъ Теофилактъ въ концѣ 1813 года былъ уволенъ изъ Синода въ свою епархію, и скоро отъ него отдѣлялись почетнымъ образомъ, назначивъ его митрополитомъ въ Грузію. Напротивъ того Филаретъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе важную власть авторитета. Мнѣніе его, взглядъ его начали имѣть ту обаятельную и внушительную силу, къ которой потомъ такъ покорно прислушивалась Россія въ теченіе слишкомъ полувѣка. Яркимъ свидѣтельствомъ тогдашней извѣстности Филарета и всеобщаго уваженія къ нему лучшихъ, передовыхъ людей той поры является слѣдующее обстоятельство изъ жизни Сперанскаго. Живя въ Перми (отъ 23 сент. 1812 года до 19 сентября 1814 года) и тоскуя духомъ въ немилости, Сперанскій находилъ себѣ отраду въ очень немногихъ книгахъ. По свидѣтельству пермскаго купца И. Н. Попова (въ домѣ котораго первоначально жилъ Сперанскій), онъ пробѣгалъ журналы для однѣхъ, часто появлявшихся тогда, статей митрополита Евгенія, котораго разумѣлъ первымъ у насъ историкомъ, и еще для архимандрита Фила-

¹⁾ Русск. Вѣсти. 1868 г., апрѣль, ст. П. М. «Изъ прошлаго», стр. 509—511.—Нужно замѣтить, что въ статьѣ г. П. М. кое-что изъ жизни Филарета передается нѣсколько иначе, чѣмъ въ книгѣ Н. В. Сушкова, которою мы руководствуемся. Не имѣя возможности согласить показанія двухъ лицъ, мы придерживаемся преимущественно книги г. Сушкова; читатели же могутъ обратиться для сличенія къ статьѣ г. П. М.: она очень любопытна.

²⁾ Сошниковъ уже въ началѣ 1815 года замѣчаетъ объ этой книгѣ «рыбка»: какъ видно, ее постарались изъять изъ употребленія.

рета. Ни о комъ вообще не отзывался онъ съ большою любовью и уваженіемъ, какъ объ этомъ архимандритѣ, и читаль выходившія тогда его сочиненія съ величайшимъ наслажденіемъ, до того что всякій разъ не хотѣлось разстаться съ тою или другою его статьею.—Много шуму надѣлала было тогда маленькая книжка Шишкова «О старомъ и новомъ слоѣ», а графъ Сперанскій по этому поводу говаривалъ: «А я не знаю ни того, ни другого: я знаю только слоѣ Карамзина и Филарета ¹⁾». Занимать вниманіе такого человѣка, въ такую пору его жизни, раздѣлять это вниманіе наравнѣ съ такими личностями, какъ преосв. Евгеній и Карамзинъ, это—очень ярко, очень сильно, особенно для 1813 года!...

Но несравненно ярче и сильнѣе является то вниманіе, какимъ почтилъ Филарета въ эту пору Государь Императоръ. Годъ съ небольшимъ только прошелъ со времени назначенія его ректоромъ академіи, а 29 іюня 1813 года Государь пожаловалъ ему сразу орденъ св. Владиміра 2 степени (это—первый орденъ, полученный Филаретомъ). Такимъ знакомъ своего монаршаго вниманія Государь почтилъ неусыпные труды Филарета по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ въ академіи, дѣятельность его въ образованіи достойныхъ служителей алтаря Господня и назидательныя и краснорѣчивыя поученія о истинахъ вѣры ²⁾.

¹⁾ Жизнь графа Сперанскаго, соч. барона М. А. Корфа, т. II, стр. 77 и 78, примѣчаніе. Въ записку Попова вписались нѣкоторыя неточности. Сочиненіе Шишкова «О старомъ и новомъ слоѣ» вовсе не маленькая книжка, а книга довольно большаго объема (въ 8 д. л. VI нем. 453 стр). Говоря о ней въ 1813 году, нельзя сказать, что много шуму надѣлала она *тогда*. Вышла она первымъ изданіемъ еще въ 1808 году (Смирд. 6399), и тогда произвела дѣйствительно шумъ и толки въ журнальномъ мірѣ; а въ 1813 г., когда она появилась вторымъ изданіемъ, она могла подать поводъ развѣ къ разговору въ Перми о былыхъ литературныхъ столкновеніяхъ.

²⁾ Награда эта получаетъ особое значеніе, когда вспомнимъ, что Имп. Александръ вообще не щедро расточалъ знаки своей милости; такъ, года за три

Царское вниманіе къ нему, конечно, усилило общее къ нему уваженіе, которое такъ достойно списалъ онъ себѣ своимъ словомъ, своею личностію. Въ Петербургѣ въ это время безъ Филарета не обходился любой торжественный праздникъ; тамъ вельможи приглашали на Филарета, какъ на праздникъ. Вотъ яркій примѣръ этому. Предъ открытіемъ имп. публичной библіотеки (2 января 1814 г.) директоръ ея, А. Н. Оленинъ, адресуетъ къ архим. Филарету письмо, убѣдительно приглашая его, прежде всѣхъ, принять участіе въ предстоявшемъ торжествѣ; онъ проситъ его написать рѣчь, въ которой были бы разрѣшены слѣдующіе вопросы: 1) «что полезнѣе для успѣха въ отечественной словесности: изученіе-ли двухъ мертвыхъ классическихъ, или многихъ живыхъ чужихъ языковъ? 2) Время, употребляемое въ нашей молодости на приобрѣтеніе самаго чистаго произношенія иностранныхъ языковъ, а особливо французскаго, не лучше-ли бы сбересть на усовершенствованіе въ знаніи природнаго своего языка? И наконецъ 3) не вредно ли будетъ современемъ для народной нравственности и для любви къ отечеству общее употребленіе живаго чужаго языка, съ исключеніемъ природнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ ближними родственниками, не говоря уже о единоземцахъ?» Это обращеніе Оленина, его почтительнѣйшая просьба къ архимандриту Филарету о разрѣшеніи такихъ, въ то время важныхъ и современныхъ, вопросовъ, и мысль, что такую рѣчью достойно занять избранную публику столицы способенъ только Филаретъ,—показываютъ, какъ высоко думали уже тогда о силахъ молодого

предъ симъ, награждая Карамзина, Государь думалъ-было дать ему Владимира четвертой степени, и только убѣжденіи друга Карамзина, И. И. Дмитріева, побудили Государя дать третью степень. Одинъ развѣ Сперанскій въ былое время могъ сравниться съ Филаретомъ въ степени вниманія Государя; но Сперанскій былъ такъ-сказать правой рукой Государя, Сперанскій десятью годами былъ старше Филарета, и только съ Сперанскимъ и можно сравнить Филарета.

ректора академіи... Съ истиннымъ прискорбіемъ отказался о. ректоръ отъ этого внимательнаго предложенія, отказался потому только, что въ это время, въ духовной академіи, по непредвидѣнному сокращенію времени высшимъ начальствомъ, онъ долженъ былъ исполнить въ полгода то, что предположено было на годъ, и что ему досталось дать отчетъ не только за себя, но и за двухъ предшественниковъ, и наконецъ, въ это же время скончался сотрудникъ его, архимандритъ Леонидъ, и оставилъ ему въ наслѣдство свою должность, по недостатку другаго преемника ¹⁾. (Рѣшеніемъ вопроса, предложеннаго ему для праздника бібліотеки, занялся потомъ Гнѣдичъ въ своемъ «Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности», которое и было прочитано въ день открытія имп. пуб. бібліотеки) ²⁾.

Личныя достоинства Филарета гораздо болѣе, чѣмъ мѣсто, занимаемое имъ, содѣйствовали тому, что у него постоянно завязывались близкія сношенія со многими замѣчательными дѣятелями той поры и въ частности—съ писателями. Разработка его сношеній вообще, конечно, займетъ себѣ видное мѣсто въ его біографіи, а отношенія ученыхъ и литераторовъ къ нему дадутъ матеріалъ для многихъ занимательнѣйшихъ страницъ не только въ біографіи самого владыки, но и въ исторіи русскаго просвѣщенія.

¹⁾ О. архимандритъ Леонидъ (Зарѣдкій), преподаватель эстетики (1810 г.), помощникъ архіепископа Теофилакта и потомъ (1811—1813) самостоятельнымъ профессоръ словесныхъ наукъ, заслужившій самые лестные отзывы и уваженіе своихъ слушателей, скончался къ общему сожалѣнію 1813 г. ноября 23. См. его программу уроковъ у Чистовича, стр. 201—204, въ примѣчаніи, а о немъ самомъ—стр. 251.

²⁾ Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Гнѣдича этого разсужденія нѣтъ, см. его въ книгѣ: «Описаніе торжественнаго открытія имп. пуб. бібліотеки». Спб. 1814, стр. 52—98. Отзывъ о ней см. въ книгѣ «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву». Спб. 1866 г., Примѣчанія къ письмамъ, стр. 079.

Свѣтлою особенностію въ сношеніяхъ Филарета съ литераторами является его дѣятельное, здоровое посредничество между духовной цензурою и ими, когда случалось имъ представлять свои произведенія на ея усмотрѣніе. Такое мудрое посредничество его начинается съ давнихъ дней и продолжается до конца его жизни. Такъ, въ 1814 году, когда Державинъ написалъ оду «Христосъ», духовная цензура затруднялась пропустить ее; поэтъ, по требованію цензуры, по нѣскольку разъ измѣнялъ многія строфы,—но дѣло подвигалось плохо. Это, конечно, волновало маститаго, славнаго поэта. И просвѣщеннымъ посредникомъ между нимъ и духовною цензурою явился Филаретъ: онъ старался ихъ сблизить (какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ два письма его къ Державину, отъ 10 и 28 марта 1814 года¹⁾), и успѣлъ въ своемъ посредничествѣ. Спорное произведеніе было напечатано, со множествомъ ссылокъ въ замѣчаніяхъ на ветхій и новый завѣтъ, и, вѣроятно, большая часть этихъ ссылокъ принадлежитъ внимательности Филарета.

Въ 1814 г. предписано было праздновать въ 25 день декабря спасеніе Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ; молитву для молебнаго пѣнія поручено было написать Филарету, и онъ превосходно исполнилъ это порученіе. Рѣчь славянская такъ-же у него плавно льется, какъ и русская; молитва полна и историческихъ чертъ, хотя сжатыхъ. Двѣ строки въ ней производятъ особенное впечатлѣніе: *«О ихже ревнованомъ наставленіяхъ, силъ импяхомъ враговъ буиихъ и зѣпронравныхъ»*. Дѣйствительно, тѣ, кого мы покорно считали своими учителями, ругались надъ святыми иконами, оскверняли храмы, святыми одеждами одѣвали лошадей и блудницъ. Тѣ, которые учили насъ вѣжливости, терзали какъ звѣри невинную юность и беззащитную

¹⁾ Сочин. Державина, изд. Имп. акад. наукъ, т. III, 1866 г., стр. 209.

старость ¹⁾. Напрасно мы стали бы искать здѣсь какихъ нибудь признаковъ войны; нѣтъ, это дикія выходки враговъ буиныхъ и звѣронравныхъ.... И впечатлѣніе тѣмъ тяжелѣе, что такъ поступали съ нами наши наставники....

Мы ничего не говоримъ здѣсь о дѣятельности Филарета, какъ ректора академіи: это—дѣло почтенныхъ профессоровъ ея, владѣющихъ всѣми нужными для этого матеріалами въ архивахъ академическихъ; а то немногое, что уже оглашено путемъ печати, передано было нами прежде ²⁾. Здѣсь же, о трудахъ его по академіи, гдѣ въ это время оканчивался первый курсъ, приведемъ отзывъ Государя въ Высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ 13 августа 1814 года: «Отецъ архимандритъ Филаретъ, с.-петербургской академіи ректоръ! Донесеніе объ успѣшномъ окончаніи перваго академическаго курса обратило Мое вниманіе на отличные труды ваши и способность къ образованію юношества. Начальство отдастъ вамъ справедливость, вѣряя опытности вашей успѣхъ втораго курса. Богъ да подкрѣпитъ силы ваши къ перенесенію трудовъ на новомъ поприщѣ. По благимъ расположеніямъ души вашей, надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ и просвѣтятся внутренно истиннымъ свѣтомъ евангельскаго ученія. Пребываю вамъ благосклонный—Александръ» ³⁾. А черезъ двѣ недѣли послѣ рескрипта, вслѣдствіе представленія комисіи духовныхъ училищъ, Филаретъ былъ всемилостивѣйше награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ по 1500 р. въ годъ.—Останавливаясь на значеніи этихъ наградъ, говорить, что

¹⁾ Истор. р. церкви, пер. V. Черн. 1863 г. стр. 124.

²⁾ Труды в. д. акад. 1867 г., декабрь.

³⁾ Ист. слб. д. ак. Чистовича, стр. 237. Здѣсь ошибочно сказано, что рескриптъ послѣдовалъ отъ 27 августа: въ послужномъ списокѣ митр. Филарета показано 13 августа («Записки» Н. В. Сушкова, прилож. стр. 40—41).

это—въ своемъ родѣ единственные примѣры,—считаемъ излишнимъ.

Въ концѣ того же года, на второй день праздника Рожд. Христова, Филарету снова пришлось сказать слово въ придворной церкви, въ присутствіи Императрицы Маріи и членовъ царской семьи. Мы знаемъ уже, что сильное и строгое слово его смутило Императрицу Марію, и что съ той поры голосъ его не слышался болѣе въ дворцовомъ храмѣ. Недоброжелатели и завистники Филарета радовались; друзья и почитатели печалились. Но это нисколько не повліяло на его судьбу ни въ какомъ отношеніи; значеніе его усиливалось, слава его росла; сама Императрица Марія не утратила своего уваженія къ нему и продолжала по временамъ бесѣдовать съ нимъ искренно. Добрымъ сношеніямъ между имъ и членами царскаго Дома немало содѣйствовалъ и кн. Голицынъ; умный министръ хотѣлъ быть обязательнымъ предъ Филаретомъ, который такъ во многомъ и такъ во благо дѣйствовалъ на него своимъ неотразимымъ вліяніемъ. При началѣ своей служебной дѣятельности въ св. Синодѣ, князь Голицынъ былъ вполнѣ мірскимъ и свѣтскимъ человѣкомъ; но сближеніе съ мудрымъ не по лѣтамъ мыслителемъ и смиренно-мудрымъ христіаниномъ пзмѣнило его привычки, его порядокъ жизни и самый образъ мыслей: онъ нечувствительно отдалился отъ мірскихъ тревогъ, полюбилъ уединеніе, сталъ внимательнѣе читать и слушать священное писаніе и духовныя творенія, заботился о библейскомъ обществѣ, сталъ молиться усерднѣе ¹⁾. Благое вліяніе Филарета усилилось особенно съ той поры, когда ему удалось оказать кн. Голицыну

¹⁾ О кн. Голицынѣ (род. 1773 г. сконч. 1844 г.) смотри «Словарь достопамятныхъ людей р. земли», Бантыш-Каменскаго. Спб. 1847. т. I. стр. 415—428, и Одесскій Вѣстникъ 1815 г. № 3 и 4, ст. А. Сгурды. Говорятъ, что послѣ князя остался весьма любопытныя записки.

великую, невознаградимую услугу, которую въ то время совершить могъ одинъ развѣ Филаретъ: онъ успѣлъ отклонить племянника князя отъ совращенія въ латинство. Это былъ кн. Ал. Мих. Голицынъ, 16—17-лѣтній юноша, воспитанникъ іезуитской школы. Известно, что іезуиты въ то время были въ большой силѣ, а школа ихъ въ большой чести въ Петербургѣ. Знатнѣйшіе и богатѣйшіе дворяне, графы, князья поручали ей своихъ дѣтей; школа всею силою вліяла на питомцевъ, а іезуиты въ то же время въ гостинныхъ дѣйствовали на отцовъ и матерей, и много лицъ, особенно женщинъ, со-вратилось тогда въ римское исповѣданіе. Удивительно-ли, что обольщаемый вкрадчивыми іезуитами усомнился въ православнои вѣрѣ 17-лѣтній юноша. Но совращеніе его, близкаго родственника такому сильному сановнику, какимъ былъ тогда князь А. Н. Голицынъ, возбудило чрезвычайное волненіе въ правительствѣ: враждебныя училища были закрыты, а заблуждающагося юношу дядя поспѣшилъ ввѣрить особому вниманію ректора академіи. Потрясенный молодой человекъ сначала неохотно слушалъ убѣжденія своего духовнаго наставника и упорно отмалчивался, какіе ни предлагалъ тотъ ему вопросы. Много нужно было труда, терпѣнія, снисходительности, чтобы наконецъ коснуться живоносною рѣчью заглушеннаго римскимъ ученіемъ слуха, чтобы разрѣшить связанный іезуитами языкъ. Но мало по малу кротость побѣдила упрямство, и юноша заговорилъ откровенно; образованный князь А. Н., дорожа ходомъ убѣжденій Филарета, попросилъ его излагать на бумагѣ свои разговоры съ колеблющимся собесѣдникомъ, и благодушный ректоръ записывалъ изо дня въ день, о чемъ и какъ шла рѣчь между имъ и питомцемъ іезуитовъ. Записанные такимъ образомъ *«Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ»* Филаретъ передавалъ князю, вовсе не помышляя объ изданіи ихъ въ свѣтъ; они напеча-

таны собственно по желанію и настоянію министра духовныхъ дѣлъ. Какъ историческое подтвержденіе истинъ, изложенныхъ въ *Разговорахъ*, помѣщена при нихъ «Выписка изъ окружнаго письма Фотія, патріарха константинопольскаго, къ восточнымъ патріаршимъ престоломъ». Сильно встревожились слѣдые поклонники папы, прочитавъ эти строго-логическіе, сильные правдою «*Разговоры*», и нѣсколько лѣтъ писали они потомъ на франц. языкѣ свои возраженія противъ этой книги.

Внимательный къ духовнымъ нуждамъ ближняго, Филаретъ въ то же время внимателенъ былъ къ вещественной нуждѣ всякаго, и вотъ примѣръ подобной внимательности отъ того же времени. Однажды вечеромъ, воспитанникъ академіи Глухаревъ ¹⁾ вошелъ въ келлію Филарета, съ золотыми часами въ рукѣ, говоря, что одинъ молодой человекъ, крайне нуждаясь въ деньгахъ, желаетъ продать ихъ. Филаретъ, узнавъ, что часы оцѣнены только въ 200 р., нисколько не медля далъ Глухареву за нихъ 500 р. Нуждающійся (Ю. Н. Бартеневъ) былъ совершенно спасенъ отъ трудныхъ обстоятельствъ и всю жизнь помнилъ эту щедрую покупку великодушнаго ректора.

Проповѣди Филарета, его сочиненія, его дѣятельность, вся жизнь его сдѣлали имя его близкимъ и чтимымъ даже въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ 1815 году воспитанникъ царскосельскаго лицея Илличевскій ²⁾, въ письмѣ къ своему другу, отъ 25 февр. 1815 года, говоря о знаменитостяхъ, посѣтившихъ лицейскій актъ, упоминаетъ и Филарета: «Въ числѣ зрителей были Державинъ, Горчаковъ..... Уваровъ, Филаретъ и множество профессоровъ и ученыхъ ³⁾».

¹⁾ Извѣстный впоследствии алтайскій миссіонеръ, архимандритъ Макарій.

²⁾ Впоследствии одинъ изъ поэтовъ Пушкинской эпохи, въ антологическомъ родѣ; «Опыты» его изданы въ 1827 году; скончался въ 1837 году.

³⁾ Русск. Архивъ 1864 г., вып. X, стр. 1062.

Въ началѣ 1816 г. Филаретъ получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ своего родителя, послѣдовавшей 18 января. Неизвѣстно, былъ ли о. Михаилъ хоть разъ въ Петербургѣ у своего сына; но сынъ ни разу не посѣщалъ Коломны, съ той поры, какъ выѣхалъ изъ нея въ троицкую лавру. Теченіемъ происшествій онъ увлеченъ былъ отъ роднаго города такъ, что никогда уже видѣть его не чаялъ. Матушка его еще оставалась въ живыхъ.

Печальная утрата не могла долго тяготѣть надъ сердцемъ Филарета: 1816 годъ засталъ его среди самаго усиленнаго стеченія разнородныхъ работъ. Такъ, въ 1816 году явились два замѣчательнѣйшія творенія его—«Записки на книгу Бытія» и «Начертаніе церковно-библейской исторіи»¹⁾. Первая книга еще и теперь не имѣетъ себѣ подобныхъ, и нужно удивляться, какъ она доселѣ не переведена на всѣ языки, которыми говорятъ христіане, какъ не сдѣлалась звеномъ соединенія разрозненныхъ церквей. Вторая книга представляетъ сжатый сводъ ветхозавѣтныхъ историческихъ событій, въ неразрывной связи съ пророчествами, чудесами, божественными узаконеніями, съ правилами жизни избраннаго народа, обычаями, обрядами и пр. По свидѣтельству г. Сушкова, книги эти сдѣлали нѣсколькихъ лицъ умѣреннѣе въ выраженіи своихъ сомнѣній и гаданій, убѣдили въ главныхъ основаніяхъ религіи и въ исторической истинѣ событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, однимъ словомъ—

¹⁾ Г. Сушковъ, въ примѣчаніи на 96 стр., говоритъ о Филаретѣ: «Для преподаванія въ академіи написано имъ (прежде «Начертанія церковно-библейской исторіи») «Начертаніе исторіи и древностей отъ начала міра до конца I вѣка.— Но вѣдь это—одно и то же сочиненіе. Чѣмъ введенъ г. Сушковъ въ эту ошибку? Не тѣмъ ли, что г. Чистовичъ въ двухъ мѣстахъ своей исторіи (стр. 238 и 299) нѣсколько нѣмнѣе заглавіе этого труда?... Продолженіе его написано Иннокентіемъ, еписк. пензенскимъ, до XVIII вѣка, а не до VIII.

сдѣлали искренно вѣрующими:—самая высокая польза, какую книга можетъ принести человѣку.

Понятно, что подобныя труды еще болѣе усилили извѣстность и значеніе Филарета. Уже словомъ его, вниманіемъ его дорожатъ наши знаменитости, наши первые люди; мы привели выше нѣсколько подобныхъ примѣровъ, теперь можемъ назвать еще Карамзина. Переѣхавъ въ маѣ 1816 года въ Петербургъ, для печатанія своей «Исторіи», Карамзинъ долго не могъ освоиться съ новымъ положеніемъ и сблизиться съ людьми; а все-таки въ началѣ 1817 года онъ уже хвалится своему другу И. И. Дмитріеву: «Здѣсь духовные ко мнѣ ласковы: митрополитъ, Филаретъ, Иннокентій» ¹⁾.

Въ это же время начинается особенно ревностное участіе Филарета въ дѣятельности Библейскаго общества. Распространяя священное писаніе на всѣхъ языкахъ, Россійское Библейское общество почувствовало нужду въ русскомъ его переводѣ. Обстоятельства громко требовали того: многіе съ трудомъ понимали славянскій текстъ свящ. писанія; иные обращались къ иностраннымъ переводамъ; многіе любители слова Божія давно уже изъявляли желаніе имѣть свящ. книги на русск. языкѣ, и св. Синодъ одобрялъ это желаніе. Доведено было о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, и 23 февраля 1816 года Государь далъ повелѣніе св. Синоду, въ которомъ говорить, что онъ, обращая вниманіе на дѣйствія руссійскаго библейскаго общества, съ прискорбіемъ усматриваетъ, что многіе изъ руссіянъ, по свойству полученнаго ими воспитанія, бывъ удалены отъ древняго славянскаго нарѣчія, съ трудомъ пользуются священными книгами, издаваемыми только на славянскомъ языкѣ и поэтому иныя прибѣгаютъ къ иностраннымъ переводамъ, а большая часть и этого имѣть не можетъ.

¹⁾ Письма П. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Сиб. 1866 г. стр. 206.

Принимая во вниманіе, что въ греческой церкви дозволено народу чтеніе свящ. писанія на новѣйшемъ греч. нарѣчіи, Государь находитъ полезнымъ, чтобъ и для русскихъ, подѣсмотрѣніемъ духовныхъ лицъ, сдѣланъ былъ переводъ новаго завѣта на современное русское нарѣчіе. Вслѣдствіе повелѣнія Государя Императора, немедленно приступлено было къ переводу Ветхаго и Новаго завѣта на русскій языкъ. Переводить священныя книги съ греческаго и еврейскаго языка поручено было наставникамъ духовныхъ академій. На долю Филарета пришлось переводъ евангелія отъ Іоанна; евангеліе отъ Матѳея переводилъ свящ. Г. И. Павскій; прочія книги св. писанія поручены были бакалаврамъ академій. Дѣло перевода заняло подвижниковъ цѣлые три года.

Твердое изученіе исторической книги Бытія и первыхъ судебъ новозавѣтной церкви, дѣятельное участіе въ переводѣ св. книгъ и неперестающая работа по академіи, можетъ быть, спасли самого Филарета отъ крайнихъ увлеченій господствовавшимъ тогда духомъ мистицизма, который въ эти годы развился съ небывалой силою. Успѣху его способствовали энергическіе труды Лабзина, покровительство кн. А. Н. Голицына, развитіе дѣйствій библейскаго общества и вниманіе самого Государя. Обстоятельства развитія мистицизма на столько важны, что требовали-бы большаго изслѣдованія; мы скажемъ нѣсколько словъ только о дѣятельности Лабзина и настроеніи Государя, какъ важнѣйшихъ причинахъ широкаго развитія мистицизма. Здѣсь намъ придется вернуться нѣсколько назадъ ¹⁾.

Воспитанникъ московскаго университета, человѣкъ въ высокой степени талантливый и серьезно образованный, чело-

¹⁾ О Лабзинѣ (1766—1825) см. Русскій Архивъ 1866 г., вып. 6, ст. II. Безсонова. Сравни ст. С. Т. Аксакова *«Встрѣча съ Мартинистами»* (Русская Гесѣда 1859 г. № 1) и ст. М. Каменской *«Знакомые»* (Время 1861 г. № 7).

вѣкъ крайне-теплаго сердца и высокаго ума, Александръ Теодоровичъ Лабзинъ началъ въ Москвѣ свою литературную дѣятельность подѣ влияніемъ Новикова и друга его—извѣстнаго Шварца. Въ молодые годы духъ его порою развлекался разнообразными матеріалами; но любовь къ математикѣ, древнимъ классикамъ и строго-нравственное направленіе сохранились въ немъ до конца жизни его. Это направленіе всецѣло перенесъ онъ въ Петербургъ и остался неизмѣнно вѣренъ ему, среди пестрой суеты столичной жизни. Уже самой службою своею онъ сдѣлался извѣстенъ Императорамъ Павлу и Александру (въ званіи конференцъ-секретаря академіи художествъ и члена адмиралтейскаго департамента); но неоспоримымъ значеніемъ своимъ онъ обязанъ преимущественно своей литературной дѣятельности и своей жизни, въ которой у него дѣло не шло врозь со словомъ. Значеніе и вліяніе вольтеріанства и энциклопедизма, прививавшагося къ нашему обществу со второй половины прошлаго вѣка, внушили ему мысль пробудить въ современникахъ возвышенный интересъ къ познанію сущности христіанства и основныхъ законовъ его нравственности. Для этого онъ воспользовался *мистицизмомъ*. Такъ называется таинственное ученіе, имѣющее источникъ въ стремленіи человѣческаго духа постигнуть сокровенныя тайны всего сверхъ-естественнаго и божественнаго, ученіе, признающее предметы религіознаго доступными внѣшнимъ чувствамъ ¹⁾. Проявившись еще въ доисторическія времена, въ первобытныхъ религіяхъ (у грековъ—елевзинскія таинства), мистическое ученіе проникло и въ христіанство ²⁾. Въ средніе вѣка

¹⁾ Въ словарь Боаста встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе: мистицизмъ—утонченная набожность, глубокое стремленіе къ духовности; а мартинизмъ—религіозная секта, члены которой усиливались постичь таинства природы и вѣрили въ сообщеніе съ ними душъ и ангеловъ.

²⁾ Оригенъ въ III в.,—Бонавентура, Тома Кемпійскій въ средніе вѣка, Парацельсъ, Яковъ Бемъ—въ 15—17 в., Таулеръ, Галлеръ, Экартсгаузенъ, Штид-

оно было предметом схоластики и своимъ ученіемъ о внутренней передачѣ Св. Духа человѣку и о добрыхъ дѣлахъ, какъ слѣдствіи любви, приготовило почву для реформаци. Германія постоянно была центромъ развитія мистицизма. У насъ онъ появился-было въ концѣ прошлаго вѣка, и цензурный уставъ 1804 года одобрялъ сочиненія мистическія, но собственно въ лицѣ Лабзина началось его развитіе. Лабзинъ явился усерднымъ послѣдователемъ баварскаго мистика прошлаго вѣка Экартсгаузена (1752—1803). Послѣдую ему, онъ признавалъ согласіе частей и связь духовнаго міра съ вещественнымъ, основывалъ все на законахъ необходимости и на законѣ, соединяющѣмъ видимое съ невидимымъ, земное съ небеснымъ; онъ находилъ разныя доказательства разума тамъ, гдѣ обыкновенно требуется одной вѣры. И вотъ, съ 1803 года начался рядъ его произведеній, сосредоточившихъ на себѣ все вниманіе мыслящаго духа его и все чувство сердца, и тѣсно связанныхъ единствомъ содержанія. Отлично знакомый съ литературой этого рода за границей и превосходно владѣвшій перомъ, Лабзинъ съ неистощимой энергіей началъ рядъ переводовъ и изданій Экартсгаузена, Юнга (прозваннаго Штиллингомъ) и отчасти другихъ нѣмецкихъ мистиковъ: Франц. де Сались, Амвр. Ломбеза, Ад. Сигизм. Флейшера, І. Бема. Кругъ дѣятельности Лабзина относился къ классу болѣе или менѣе образованному, примыкалъ къ дѣтелямъ нѣмецкимъ, и потому не могъ быть особенно близокъ русскому народу; но съ другой стороны *духовность* содержанія, слогъ, въ которомъ чуялась искренность прожитаго убѣжденія и неподдѣльная энергія, слогъ полный силы и убѣдительности, простой и близкій сердцу, наконецъ самая виѣшность изданія, аккуратная и чистая, привлекала къ нему читателей. Отъ 1803 по

ленгъ—въ 18 в.—ютъ гласнѣйшіе представители мистицизма въ его историческомъ ходѣ.

1806 годъ Лабзинъ успѣлъ перевести или издать десять немалыхъ переводовъ и сочиненій ¹⁾. Нѣкоторыя стороны и цѣли его дѣла требовали, кромѣ всего этого, изданія журнала,—и въ 1806 г. появился «*Сіонскій Вѣстникъ*». Извѣстія о томъ, что дѣлалось въ подобномъ духѣ за границей, біографіи извѣстныхъ мистиковъ, разъясненіе нравственнаго состоянія русскихъ, опыты и подвиги усовершенствованія внутренняго, безпредѣльная любовь къ Россіи, возлагающая на ея будущность великія надежды, примѣры и наставленія для множества лицъ, обращающихся къ издателю съ просьбами о томъ,—вотъ каковы были особенности журнала. Почти всѣ статьи принадлежали Лабзину, немногія—извѣстному философу украинскому Сковородѣ и бывшимъ масонамъ кн. Н. В. Репнину и И. В. Лопухину. На первыхъ же порахъ журналъ былъ поддержанъ преимущественно духовенствомъ. Преосв. Теофілактъ, по одному объявленію, не зная издателя, подписался разомъ на 30 экземпляровъ; изъ 93 экземпляровъ, разошедшихся въ первые мѣсяцы въ одной Москвѣ, 33 взяты были духовенствомъ. По полное одобреніе издателемъ довершили и утвердили—какъ говоритъ самъ Лабзинъ—благоволительный отзывъ о «Сіонскомъ Вѣстникѣ» митрополита Амвросія. Кромѣ того, журналу сочувствовали архіепископъ черниговскій Михаялъ, архісп. могилевскій Даніиль и др. пастыри. Только преосв. Евгенийъ старорусскій (впослѣдствіи митрополитъ

¹⁾ Въ 1806 г. начало выходить сочиненіе Штиллинга «*Der graue Mann*», въ переводѣ Лабзина: *Угрозы Сѣт-востоковъ*. Изданіе имѣло такой расходъ и такое вліяніе, что въ маѣ же 1806 г. въ петербургскій медико-филантропическій комитетъ пришелъ неизвѣстный, представилъ 200. рублей, и на вопросъ, какъ записать въ книгу его имя, отвѣчалъ: «Отъ Угрозы Сѣт-востокова. Подобные случаи были нередки. Одуревшимся чтецѣмъ, нѣкоторые лица, изъ разныхъ краевъ Россіи, присылали издателю деньги на изданіе столь полезныхъ книгъ, на ихъ распространеніе между немущими и вообще на помощь бѣднымъ». (П. Безсоновъ Р. Арх. 1866 г. № 6, стр. 827—828).

киевскій) выразилъ, въ частномъ письмѣ къ другу, строго-правдивый взглядъ на достоинства и недостатки журнала ¹⁾. Кругъ читателей журнала въ это время еще былъ не великъ; явились и другія обстоятельства *немазоважныя, отъ издателя независимыя*; проще сказать, кн. А. Н. Голицынъ *тогда* еще не былъ приверженцемъ мистицизма, не сочувствовалъ «Сіонскому Вѣстнику», а потому и распорядился о прекращеніи

¹⁾ «Скажемъ слова два и о Сіонскомъ Вѣстникѣ. Я его получаю и читаю часто до чувствительнаго умиленія, и даже до благодарности Богу, вложившему мысли Г. Л. издавать сей журналъ. Онъ многихъ обратилъ, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи; а и это уже велико благодѣяніе человечеству. Большая часть сего журнала переводная съ нѣмецкаго изъ Шиллинговыхъ сочиненій, а пѣчто и изъ Мартинистскихъ, и это жаль, что въ чистую воду примѣшиваются и отравы секты. Вы потребуете доказательствъ—вотъ онѣ: 1) *Синкретизмъ* или мнѣніе, что будто во всѣхъ религіяхъ подъ разными только символами (см. статью о философіи стр. 13 и 14) была истинная религія, ведетъ къ индифферентизму въ религіяхъ и противно духу истиннаго христіанства. Ефес. IV, 14, 15; Апокал. III, 15, 16. Признаки индифферентизма въ самомъ издателѣ замѣтите вы изъ словъ его стр. 328, 333, 361, 362, 2) *Мисологизмъ, Платонизмъ и Математтицизмъ*, употребляемый всѣми мистико-масонами и нашимъ издателемъ въ изъясненію Троицы и другихъ таинствъ откровенія, можетъ быть казистымъ для незнающихъ духа христіанской религіи, а не для богослова. Посмотрите, какъ Верхіе въ своемъ лексиконѣ противъ этого пишутъ; а что эта метода умствованія мистико-масонская, въ томъ увѣритесь, если прочтете Экартетаузенову книгу *Иероглифы для сердца человеческого*. Тамъ вы найдете и всѣ фразы ихъ, какъ напр. *книга природы, списки съ невидимыхъ, Божественная математика, универсальная тинктура или духовно-тѣлесность Христова* и проч. и проч. 3) Издатель, можетъ быть, изъ желанія представить читателямъ яснѣе духовность, смѣло принимаетъ грубыя мнѣнія, наприм. стр. 363 сравниваетъ Евхаристіе съ какою-то воплощенною солнечною эссенціею, всездѣприсущіе Божіе съ воздухомъ, а недѣлимость съ пламенемъ; стр. 364—допускаетъ безпредѣльность тѣла Христова, стр. 365, а что грубѣе всего, въ майѣ мѣсяцѣ стр. 195 приписуетъ шаровидную фигуру и духу; можно ли такъ разсуждать о духѣ?—Но за многое хорошее, высокое и трогательное въ его журналѣ, я охотно извиняю его». (Москвит. 1848 г., № 8, стр. 173—174. О томъ же Сіонс. Вѣстникѣ см. Моск. Унив. Паисіемъ. Сушкова, М. 1858. стр. 24.—Духовный Вѣстн. 1862 г., № 7, ст. Г. Цвѣткова).

его. Лабзинъ успѣлъ издать въ 1806 г. только 9 книжекъ. Журналь прервался на 10 лѣтъ; но книги мистическія снова стали выходить съ 1809 года, особенно же съ 1814 они посыпались цѣлымъ рядомъ ¹⁾, а къ 1816 и 1817 году мистичизмъ приобрѣлъ себѣ въ Россіи преобладающее значеніе, благодаря вниманію самого Государя, къ личности котораго и обратимся.

Уже самое восшествіе на престолъ кроткаго Императора Александра, освободившее общество отъ тяжкаго гнета, дало широкую возможность образовывать разные общества; дальнѣйшіе годы царствованія способствовали свободному развитію убѣжденій; но строго сознательнаго и твердо проводимаго общаго направленія не было. Воспитаніе Государя, чуждое соприкосновенія съ внѣшней жизнью, сдѣлало его недоувѣрчивымъ къ себѣ и заставляло искать опоры въ людяхъ. О нравственномъ воспитаніи его въ дѣтствѣ мало заботились. Его воспитали великія событія 1812 года. Самъ Императоръ говорилъ (20 сент. 1818 г.) прусскому епископу Эйлерту: «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не чувствовалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его св. писаніе. Искущенію Евроны отъ гибели обязанъ я собственнымъ искущеніемъ» ²⁾. Съ той поры онъ началъ болѣе и болѣе предаваться смиренію, богомыслію. Въ походахъ 1813—1814 годовъ онъ всегда возилъ съ собою Библію и часто искалъ успокоенія въ словахъ святой книги.

¹⁾ Кромѣ Лабзина, дѣтельными переводчиками мистическихъ книгъ были: Яковъ Уткинъ, Ив. Шамшинъ, Мих. Сахаровъ, Ф. Лубяновскій, Ив. Кобрановъ, А. П. Хвостова, Коріѣевъ и друг. Изъ одного Экартсгаузена переведено болѣе 25 сочиненій. См. въ концѣ сего § хронологическій списокъ мистическихъ сочиненій.

²⁾ Приб. къ журн. М. II. Пр. 1846 г. кн. 2, стр. 42. Ист. р. церкви, пер. У. стр. 125; Графъ Блудовъ и его время, стр. 59.

Въ концѣ 1814 года, когда предстала вдругъ новая борьба съ Наполеономъ, бѣжавшимъ съ о. Ельбы, съ Наполеономъ, хотя побѣжденнымъ, но все еще полнымъ магическаго вліянія, Имп. Александръ, взволнованный и настроенный крайне мистически, вдругъ страннымъ случаемъ увидѣлся и познакомился съ баронессой Фонъ-Криднеръ. Это была, по мнѣнію многихъ, женщина необыкновенная, которая въ глубокомъ раскаяніи и молитвѣ нашла то спокойствіе и счастье, котораго напрасно искала въ мірѣ; за границей она жила нѣсколько времени у Штиллинга; не смотря на свои 50 лѣтъ, она все еще была пламенная энтузіастка въ своихъ убѣжденіяхъ и увлекалась ихъ пропагандою. Нежданно, внезапно появясь предъ Императоромъ въ Гейдельбергѣ, въ глубокую ночь, именно въ тѣ минуты, когда Государь о ней думалъ и желалъ ее увидѣть, Криднеръ произвела на него неотразимое вліяніе. Сначала она утѣшительными словами успокоила смятенную душу его; потомъ, какъ Государь самъ рассказывалъ, «она подняла предъ нимъ завѣсу прошедшаго и представила жизнь его со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе не есть полное искупленіе грѣховъ, что сама она была великая грѣшница, но что у подножія креста выстрадала она себѣ прощеніе постоянною молитвою и горькими слезами. Она говорила съ тѣмъ же, можетъ быть, краснорѣчіемъ, съ какимъ умный проповѣдникъ возвѣщаетъ вѣчныя истины со своей кафедры, но съ большимъ увлеченіемъ, съ большимъ знаніемъ сердца своего слушателя, и—главное—самъ слушатель былъ слишкомъ настроенъ къ впечатлительности тишиною, таинственностію глубокой ночи. Александръ былъ потрясенъ до глубины души: онъ плакалъ. Съ этихъ поръ начинаются его сношенія съ Криднеръ, которыя остались не безъ послѣдствій на его

душу, уже подготовленную великими событіями къ тому восторженному піетизму, который нерѣдко отрывалъ его отъ земныхъ заботъ, особенно въ послѣднее время его жизни». Послѣ вторичнаго взятія Парижа, уклоняясь отъ всякихъ праздниковъ и торжественныхъ пріемовъ, Александръ въ столицѣ Франціи обдумывалъ союзъ, который бы основанъ былъ на нравственныхъ началахъ, который бы связалъ государей и народъ братскими узами, освященными религіей, былъ бы для нихъ, какъ евангеліе, обязательнъ по совѣсти, по чувству, по долгу. Эта болѣе религіозная, чѣмъ политическая мысль была внушена ему (какъ говорятъ многіе) баронессою Криднеръ; другіе утверждаютъ, что мысль эта была набросана на бумагѣ собственноручно самимъ Государемъ. Какъ бы ни было, но она привела Импер. Александра къ извѣстному акту священнаго союза, этому болѣе духовному, чѣмъ дипломатическому акту (25 дек. 1815 г.) ¹⁾. Человѣкъ, нѣкогда самый близкій Александру и всегда искренно уважаемый имъ, Сперанскій, въ своемъ заточеніи съ умиленнымъ восторгомъ встрѣтилъ актъ священнаго союза и поспѣшилъ высказать Императору свое особенно-глубокое впечатлѣніе и нѣсколько мыслей ²⁾. Это истинное, задушевное убѣжденіе Сперанскаго,

¹⁾ «Графъ Блудовъ и его время», Ег. Ковалевскаго. Сиб. 1866. стр. 59, 93, 94, 95.

²⁾ Русск. архивъ, 1867, вып. 3, стр. 444—454. Религіозно-мечтательное настроеніе духа всегда было сродно Сперанскому. Еще въ 1810 г. онъ посвященъ былъ Фесслеромъ въ масонскіе обряды, и существуетъ темное преданіе, что онъ вступилъ въ масонскую ложу собственно по приказанію Имп. Александра, который будто-бы самъ имѣлъ намѣреніе посвятить себя въ тайны масонства («Жизнь графа Сперанскаго», I, 261). Въ годы ссылки Сперанскаго, направленіе это въ немъ еще болѣе усилилось несчастіемъ и уединеніемъ. Въ это время онъ оканчивалъ переводъ извѣстной книги Томы Кемпійскаго «о подражаніи Христу» (напечатанъ нѣсколько позже, въ 1819 году) и составлялъ изборанія мѣста изъ твореній Таулера.

конечно, поддержало императора въ его настроеніи. Освободивъ народы отъ власти Наполеона, переживъ рядъ величайшихъ событій, какъ верховный дѣятель ихъ, достигнувъ высшей степени славы земной, Имп. Александръ сложилъ лавры своихъ побѣдъ и походовъ предъ алтаремъ Бога и увѣковѣчилъ свое смиреніе извѣстными словами: *«не намъ, не намъ, а имени Твоему»*.... Криднеръ въ это время жила уже въ Петербургѣ; тамъ ее приняли радушно; около нея образовался большой кружокъ послѣдователей, во главѣ которыхъ былъ кн. А. Н. Голицынъ. Общее увлеченіе ею, бесѣды съ нею Государя и частыя воспоминанія о минувшихъ обстоятельствахъ были причиной той величественной важности, нерѣдко переходившей даже въ задумчивость, которою отличался тогда Императоръ. Онъ переживалъ необыкновенное настроеніе, которое не находило себѣ разрѣшенія въ обычномъ строѣ жизни. Онъ неразъ и прежде говаривалъ, что для него тягостна власть и что характеръ его желаетъ только покоя и тишины, тѣмъ болѣе въ настоящую пору душа его жаждала покоя и молитвы. Охлаждѣвъ къ свѣту, къ увселеніямъ, онъ сближался только съ такими людьми, которые казались ему благочестивыми, религіозными. Особенно часто онъ дѣлился своими думами съ кн. А. Н. Голицынымъ, который издавна былъ человѣкомъ по душѣ ему. Князь, выслушивая изліянія Государя, искренно сочувствовалъ ему, такъ какъ самъ былъ тѣхъ же убѣжденій, и знакомилъ его съ твореніями мистиковъ. Александръ, одаренный сердцемъ, полнымъ высокихъ побужденій и мыслью пытливою, и вмѣстѣ съ тѣмъ недоувѣрчивый къ самому себѣ, легко проникнулся мистическимъ направленіемъ. Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна также доувѣрчиво склоняла слухъ ко всему загадочному и таинственному. Настроеніе, господствовавшее при Дворѣ, быстро и сильно распространялось и въ обществѣ. Князь А.

Н. Голицынъ давно уже сдѣлался усерднымъ послѣдователемъ мистиковъ. Отчасти самостоятельно, отчасти увлекаясь его примѣромъ, явились мистиками важнѣйшія лица того времени: Магницкій, Поповъ (директоръ департамента М. Н. Пр.), Руничъ (попечитель спб. округа), Кавелинъ (директоръ петерб. университета) ¹⁾, Карнѣевъ (попечитель харьк. округа), Головинъ, Ключаревъ (московскій почтъ-директоръ) и другіе; всѣ эти лица составляли, такъ сказать, первое отдѣленіе тогдашняго русскаго общества и давали направленіе духу времени.

Таковы были обстоятельства, среди которыхъ развился у насъ мистицизмъ. Неудивительно послѣ этого, что отдѣленія Библейскаго Общества появлялись въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ; что въ то же время развивались новыя общества ²⁾; что масонскія ложи пользовались особеннымъ покровительствомъ; что возникали новыя таинственныя религіозныя секты въ самомъ Петербургѣ (Букстевденъ, Ненастьевыхъ и Татариновой), и что сама Императрица Елисавета Алексѣевна пожелала, чтобы въ Михайловскомъ замкѣ было отведено помѣщеніе для Татариновой, у которой составлялись какія-то шаманскія и дервишскія сборища.

Въ это время Государю было угодно обратить вниманіе на труды Лабзина, и 12 декабря 1816 года онъ пожаловалъ ему орденъ Владиміра 2-й степени за *изданіе духовныхъ книгъ*. Мало того, Государь самъ побудилъ Лабзина возоб-

¹⁾ Его, кажется, называлъ Пушкинъ *докторомъ теологій*, который добивается въ инквизиторы (Русск. Арх. 1867 г. стр. 672).

²⁾ Напр. Императорское человеколюбивое (въ Петербургѣ и Москвѣ), Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія; и то и другое издавали свои журналы (Смирд. 9777 и 9783). Позднѣе появилось попечительное общество о тюрьмахъ (1819 г.). Конечно, событія 1812 года были также одною изъ важныхъ причинъ образованія какъ этихъ благотворительныхъ обществъ, такъ и другихъ (напр. попечительный комитетъ объ инвалидахъ).

новить издание его журнала, и съ апрѣля 1817 года снова появился *Сіонскій Вѣстникъ*, съ страннымъ посвященіемъ *Господу Иисусу Христу*. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, журналъ Лабзина явился, такъ сказать, въ модѣ, распространился по всей Россіи, и число подписчиковъ на него скоро стало значительно велико. Въ числѣ подписчиковъ были Государь Императоръ, В. князь Константинъ Павловичъ, многіе изъ высшихъ духовныхъ лицъ, духовныя академіи петербургская и московская, нѣкоторыя семинаріи, священники ¹⁾. Въ средѣ вельможъ также было немало почитателей журнала Лабзина (Разумовскіе, графиня Гурьева, супруга министра финансовъ, сенаторъ Хитровъ и другіе ²⁾). Но первое мѣсто

¹⁾ Замѣательно, что Лабзинъ все-таки жаловался въ это время Карамзину на притѣсненія цензуры, и это тогда, когда вышло сочиненіе Николая Тургенева «*Опытъ теоріи налоговъ*», (1818 г.), когда проф. Куницынъ разбиралъ его въ царскосельскомъ лицей, когда официальная газета Сѣверная почта заявила формально еще въ 1816 году, что свобода печати покровительствуется самымъ августѣйшимъ монархомъ и что она противна только тѣмъ, которые хотѣли бы отчуждать Государя отъ народа.

²⁾ Самостоятельныя всѣхъ нашихъ передовыхъ людей того времени отнесся къ мистицизму Карамзина. Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 13 апр. 1816 года, онъ говоритъ: «я не мистикъ и не адептъ. Хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе; не мечтаю даже и о возрожденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ среду немного лучше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣннихъ». Въ письмѣ къ Малиновскому отъ 6 іюня 1817 г. Карамзинъ писалъ: «Живу особнякомъ съ женою съ дѣтьми и съ типографіями. Не емъ отъ міра сего, хотя и смѣюсь надъ святошами; новыми; смѣюсь про себя, разумѣется». Тогда же, 6 іюня, въ письмѣ къ Дмитріеву, Карамзинъ подшучивалъ надъ нимъ, что ему, Дмитріеву, стало теперь доступно небо, такъ какъ и онъ сталъ членомъ библейскаго общества. Въ письмѣ къ нему же отъ 17 іюля Карамзинъ пишетъ: «Князь Голицынъ хорошій человѣкъ и всегда учтивъ со мною, но я къ нему совсѣмъ не близокъ... Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ...»—Жить—писалъ онъ же Тургеневу—есть... какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться душой къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая моихъ восьми или девяти томовъ... Любите добро, а что

между ними занималъ кн. А. Н. Голицынъ, завѣдомый покровитель мистицизма, съ своимъ директоромъ Поповымъ.

Теперь намъ остается вспомнить близкія отношенія гл. Голицына къ Филарету, вспомнить, что Филаретъ не могъ не быть лично расположеннымъ къ Лабзину за его заступничество на обѣдѣ у митрополита въ 1811 году, наконецъ вспомнить, что не только кн. Голицынъ и Лабзинъ, но и сами митр. Амвросій и архіеп. Теофилактъ и Михаилъ навели его вниманіе на труды Сведенборга, гаданія Экартсгаузена, мечтанія Юнга-Штиллинга и М-те Гюнъ: и мы послѣ этого не станемъ удивляться, что, при постоянныхъ сношеніяхъ и бесѣдахъ со всѣми этими лицами, Филаретъ отчасти подчинился вліянію мистицизма. Но, можетъ быть, болѣе важная причина этого подчиненія лежала въ самой натурѣ Филарета. По свидѣтельству г. Сушкова, Филаретъ смолоду не всегда былъ свободенъ отъ увлеченій; все таинственное плѣняло его зоркое воображеніе. Изучивъ пророчества въ книгахъ Ветхаго Завета и Апокалипсисъ, онъ неравнодушно смотрѣлъ на явленія духовной жизни, которыя во всѣ времена и многими лицами были нерѣдко замѣчаемы на землѣ. Онъ обдумывалъ, повѣрялъ, истолковывалъ повѣствованія о нихъ; жажда познаній развивала въ немъ глубокомысліе, и встрѣчи съ мистиками тѣмъ легче имѣли на него вліяніе. Много говорили въ то время о «преворскихъ видѣніяхъ» (мечтаніяхъ ясновидящей), Филарету пожелалось самому вникнуть въ диковинные рассказы, и они были переведены для него съ нѣмецкаго на

есть добро, спрашивайте у совѣсти».—Но въ то же время мистицизмъ своего рода слишкомъ ярко выражался въ твореніяхъ Жуковского, въ характерѣ Д. И. Блудова, А. И. Тургенева (котораго Пушкинъ остроумно называлъ «кардиналь-клемянинъ», намекая этимъ на близость его къ кн. А. Н. Голицыну, какъ министру духовныхъ дѣлъ).

русскій ¹⁾). Короче сказать, мистицизмъ тогда былъ въ духѣ времени, и Филаретъ не освободился отъ его вліянія. Это вліяніе осталось, конечно, не безъ слѣда и въ самомъ характерѣ его проповѣдей того времени; стремленіе объяснять таинственное замѣтно въ первыхъ его проповѣдяхъ до такой степени, что многіе называли и называютъ ихъ масонско-мистическими. Замѣчателенъ и тотъ фактъ, что *Сіонскаго Вѣстника* въ одну петербургскую духовную академію выписывалось *одинадцать* экземпляровъ.... Но вліяніе мистицизма на Филарета было безусловно и непродолжительно; пора довѣрчивости и увлеченій миновала скоро; наступила пора оцѣнки мистическихъ произведеній, и все доброе изъ нихъ, разумное запало въ его душу, все прочее забыто... Недолго, какъ увидимъ далѣе, продлилось и господство мистицизма.

Домъ князя А. Н. Голицына, гдѣ Филаретъ былъ частымъ и желаннымъ гостемъ, послужилъ для него центромъ многихъ связей; здѣсь онъ сблизился съ дѣятелями двухъ вѣдомствъ—духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Здѣсь, въ январѣ 1817 года, началось его знакомство съ А. С. Стурдзою; поводомъ къ этому знакомству послужили особые обстоятельства, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ Стурдза. Это, во 1-хъ, совмѣстное участіе въ главномъ правленіи училищъ (начавшееся въ апрѣлѣ 1817 года), во 2-хъ, сдѣланный Филаретомъ разборъ рукописи Стурдзы: *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe*. Нѣсколько позже кн. Голицынъ возложилъ на Стурдзу составить руководство ученому комитету для разсмотрѣнія и введенія учебныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. «Написавъ свой проэктъ (рассказываетъ Стурдза), я тотчасъ отправился въ лавру, явился въ

¹⁾ Рукопись перевода сохранилась у него до послѣдняго времени, и онъ читалъ изъ нея отрывки Н. В. Сушкову (стр. 258).

келю Филарета и вмѣстѣ съ нимъ читалъ свое предначертаніе. Онъ показался мнѣ чрезвычайно довольнымъ: взоръ его прояснился, но все-таки оставалось нѣчто загадочное во всемъ его существѣ. Эта загадка, по прошествіи 33 лѣтъ, и теперь еще неразгадана. Филаретъ никогда не увлекался порывами беззаботной искренности; а я напротивъ былъ довѣрчивъ до простодушія. Думаю, что причина этого различія между нами таилась въ образѣ воспитанія и въ разнородности впечатлѣній, нами полученныхъ, ибо въ нѣкоторомъ отношеніи пословица справедлива: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ» ¹⁾).

Въ томъ же году, 5 іюля, Филарету пришлось проповѣдывать въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора и В. князей Константина Павловича и Михаила Павловича, надъ гробомъ графа П. А. Строганова ²⁾). Можно думать, что Государь прослушалъ это слово не безъ особаго впечатлѣнія: того же мѣсяца 23 числа состоялся Высочайшій указъ о бытіи архимандриту Филарету епископомъ ревельскимъ, викаріемъ петербургской митрополіи, съ оставленіемъ въ должности ректора академіи.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ МИСТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ А. О. ЛАВЗИНА И ДРУГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

1795.

Благоразуміе, соединенное съ добродѣтелью, или политика мудраго, соч. Экартсгаузена. М. 1795. Изд. 2-е, М. 1805 (Сопик. 2256 и 2257. Объ этой книгѣ Сопиковъ въ 1813 году замѣчаетъ: «Эту прелоплезную книгу молодые люди, вступающіе въ гражданское общество, обязаны читать ежедневно»). Изд. 3-е, М. 1816. Изд. 4-е, 2 части. Орель. 1823 (Смирд. 1241).

¹⁾ Изъ воспоминаній своихъ Стурдза составилъ «Нѣчто о Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ» (Херс. Епарх. Вѣдом. 1868 г., №№ 1—3). Сообщеніями Стурдзы мы воспользовались въ своей статьѣ въ 12 кн. Трудовъ К. Дух. Ак. 1867 г.

²⁾ Бывшаго товарища Министра Вн. Д. кн. В. Кочубея. Строгановъ, вмѣстѣ съ Новосильцовымъ и Чарторижскимъ, составлялъ triumviratъ, окружавшій Александра въ первые годы его царствованія.

— 164 —

1798.

Вѣрное лекарство отъ предубѣжденія умовъ, соч. Экартсгаузена, пер. М. Антоновскаго. Спб. 1798 (Соник. 12694).

Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истинны и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели, съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанина, соч. И. В. Лонукина. Спб. 1798. Изд. 2-е, 1811 г. Изд. 3, съ картиною. Спб. 1816. (Соник. 12695).

1801.

Путешествіе младаго Костиса отъ востока къ полудню, съ картинкою; соч. Экартсгаузена. Спб. 1801. Изданіе 2-е, М. 1803. Изд. 3-е, М. 1816. (Соник. 12708 --12710; Смирд. 9314).

Ежедневныя христіанскія упражненія, по руководству слова Божія, соч. г-жи Гюнкъ; перевелъ съ франц. іеромонахъ Н. Н. 4 части, съ картинками. М. (Соник. 3697. Рѣдка). Въ ней содержится таинственное изъясненіе Евангелія св. Іоанна Богослова.

1802.

Страждущая невѣрность, истинная исторія, найденная въ бумагахъ по смерти несчастнаго Агласа, соч. Эк...¹⁾ (М. 1802. Соник. 12711. Смирд. 9488). Въ 1804 году это же сочиненіе вышло подъ заглавіемъ «Отрывки» (Соник. 12707).

1803.

Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца, соч. Э. пер. А. Л. 2 ч. Спб. 1803 (Соник. 12692); изд. 2-е, Спб. 1816 г. (Смирд. 948).

Наставленіе мудраго испытанному другу, соч. Э. Спб. 1803 (Соник. 12699); изд. 2-е, 1817 г. Спб. (Смирд. 956).

Отрывки изъ соч. Э. пер. А. Л.: 1) Наставленіе жреца природы Клоаса Софрониму; 2) О языкѣ и письмѣ; 3) Приложение высшей математики къ химіи; 4) О способности рода человѣческаго къ совершенству, и 5) нѣчто изъ внутренняго; съ картинкою. Спб. 1803 (Соник. 12706; Смирд. 961).

Правственныя письма къ Лидѣ о любви благородныхъ душъ, изъ соч. Э. 2 ч. М.; изд. 2-е, М. 1816 (Соник. 8168 и 12702; Смирд. 9114). См. это же сочиненіе подъ 1816 г.

1804.

Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ, съ картинкой, соч. Э. М. 1804 (Соник. 12701), пер. А. Л.; изданіе 2. Спб. 1816 (Смирд. 958).

Облако надъ святилищемъ, или нѣчто таковое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ, соч. Э. пер. А. Л. Спб. (Соник. 12704; Смирд. 959).

Ключъ къ таинствамъ природы, соч. Э. пер. А. Л., 4 ч. съ 4 картинами; Спб. 1804 (Соник. 12697. Рѣдка). Изд. 2-е, Спб. 1820 (Смирд. 951).

1805.

Терпимость и человеколюбіе, изображенныя въ трогательныхъ повѣстяхъ, найденныхъ въ бумагахъ г. Экартсгаузена. М. 1805 г., 2 части. (Соник. 11780. Изд. 2-е, 4 части. М. 1817 г. Смирд. 9477. См. еще 1818 годъ).

¹⁾ Буквами Эк. или Э. обозначаемъ, для краткости, Экартсгаузена.

— 165 —

Краткія правоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства, соч. Юнга-Штиллинга. Спб. (Смирд. 342).

Приключенія по смерти, соч. Юнга-Штиллинга, 3 ч. съ картинками. Спб. (Соник. 8993).

1806.

Сіонскій Вѣстникъ, 9 книгъ. Спб. (Соник. 3859).

Тоска по отчизнѣ, соч. Штиллинга, пер. Ѳ. Лубяновскій, 2 ч. (Соник. 11845).

Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства; приношеніе друзьямъ моимъ на новый 1806 годъ. (Соник. 6687).

Угрозы Свѣтостоковъ, соч. Юнга-Штиллинга, 30 книжекъ. Спб. 1806—1816 (Соник. 12071).

Адама Флейшера: о самопознаніи, пер. съ нѣм. Спб. (Соник. 1765).

Просвѣщенный пастухъ, или духовный разговоръ одного благочестиваго священника съ пастухомъ, въ которомъ открываются дивныя тайны божественной и таинственной премудрости, являемой отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ. Спб. (Смирд. 717).

Наставленіе ищущимъ премудрости, содержащее пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ философамъ древней системы. Спб. 1806 (Соник. 6490).

1809.

Открытіе волшебныхъ таинствъ, служащихъ къ объясненію народныхъ суевѣрій и заблужденія, соч. Э. М. (Соник. 12705; Смирд. 5548).

Духъ или сущность ученія Экартсгаузена, извлеченный Михаиломъ Бранкевичемъ. 2 ч. съ картинкою. М. (Соник. 12695); изданіе 2. М. 1816. (Соник. 12696).

1810.

Мысли Экартсгаузена о положительномъ началѣ жизни и отрицательномъ началѣ смерти, пер. Ив. Шампинъ. М. (Соник. 12698; Смирд. 955).

Мысли о небѣ (Соник. 6361).

1811.

О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости, соч. Э. пер. А. Л. Спб. (Смирд. 962).

1813.

Взглядъ на будущее, или сказанія о XIX столѣтіи, соч. Э., пер. съ нѣм. Ив. Шампинъ, Спб. (Соник. 12693; Смирд. 949).

1814.

Мои мысли о Символѣ вѣры, соч. сенатора З. К-ва. Спб. (Соник. 6271).

Мысли, излившіяся при чтеніи молитвы Господней: «Отче нашъ», соч. сенатора З. К-ва, изд. А. Л. Спб. 1814 (Соник. 6339).

Мысли на досугъ поучающагося истинамъ вѣры.

Таинство креста Иисуса Христова. Спб. 1814. Пер. А. Л.

О присутствіи Божіемъ. Въ 1817 г. было 3 изданіе. (Соник. 9045—46?).

1815.

Побѣдная повѣсть. Спб. 1815, соч. Штиллинга. (Соник. 13055).

Наука чиселъ; 2 ч., съ 2 картинками (Соник. 12700), соч. Э., служащее продолженіемъ его Ключа къ таинствамъ натуры, пер. А. Л. 2 изд. 1816 г. (Смирд. 957).

— 166 —

Путь ко Христу (Christosophia) въ 9 книгахъ, твореніе Іакова Беа, пер. съ фигурами. Спб. (Сошиковъ 9276) ¹⁾.

1816.

Духовный годъ жизни христіанина, журналъ нравственно-христіанскій, издав. Як. Уткинъ, 6 частей или 24 кн. Спб. и М. (Смирд. 913).

Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну, соч. А. Хвостовой.

Совѣты душѣ моей, твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, сочин. А. Хвостовой. Спб. (Смирд. 966).

Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть. 2 ч. Спб. (Смирд. 3443).

Брань духовная, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, пер. А. Л. Спб. (Смирд. 641).

Нравственные письма къ Лидѣ о любви душъ благородныхъ, соч. Э. пер. Ия. Кобрановъ. 2 ч. М. (Смирд. 9115). См. здѣсь же годъ 1803.

О внутреннемъ мірѣ, соч. А. Ломбеа. 4 кн. пер. А. Л. Спб. 1816. (Смирд. 694).

Бракъ Вильгельмины, повѣсть, соч. Генриха Штиллинга. М. (Смирд. 8568).

1817.

Сіонскій Вѣстникъ, 9 книгъ. Тоже, 1818 года, 6 книгъ.

Богъ есть любовь чистѣйшая, соч. Э. пер. Я. Уткинъ. Спб. (Смирд. 639).

Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ, для христіанской души, соч. Э. Спб. То же, изданіе 1821 (Смирд. 689).

Кодексъ, или законоположеніе человѣческаго разума, соч. Э. пер. Ив. Шамшинъ. Спб. (Смирд. 952).

1818.

Послѣдніе дни Юнга Штиллинга, или шестая книжка его жизни, пачатая имъ самимъ, а оконченная вѣнкомъ и зятемъ его. Пер. А. Л. Спб. Смирд. 3444).

Слово воспоминанія о усопшемъ незабвенномъ другѣ Генрихѣ Юнгѣ, прозванномъ Штиллингомъ отъ нѣкоторыхъ друзей его. Пер. А. Л. Спб. (Смирд. 965).

Богъ во плоти, или Христосъ между человѣками, соч. Э. 2 ч. (Смирд. 638).

Терпимость и чезовѣколюбіе, представленныя въ видѣ трогательныхъ повѣствованій. 4 части. Орель (Смирд. 9478).

Религія, разсматриваемая какъ основаніе всякой истины и премудрости, соч. Э., пер. М. Сахаровъ. М. (Смирд. 727).

1819.

Омаровы наставленія, книга для свѣта, каковъ онъ есть, а не какимъ быть долженъ, соч. Э., пер. М. Сахаровъ. 2 ч. М. (Смирд. 969).

Өеобальдъ, или мечтатели, истинная повѣсть, соч. Г. Штиллинга, пер. Ө. Лубяновскій. М. (Смирд. 968).

Божественная философія, Дю-Тюа, пер. Е. Коріѣва. М. 1819.

1820.

Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію, пер. И. Лестрбцева.

¹⁾ О многихъ рукописныхъ переводахъ сочиненій І. Беа въ нашей литературѣ см. статью С. П-ва въ Библ. Зап. 1858 года. № 5.

Духъ жизни и ученія Христова, соч. Госснера. Спб. 1820 г.

1821.

Торжество евангелія или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи, пер. А. Л. Спб.

О пользѣ чтенія св. писанія.

Зеркало внутренняго человѣка. (Смирд. 950).

Объясненіе на дѣянія и посланія св. апостоловъ, 3 ч., сочиненіе г-жи Гіонъ, пер. А. Трескина. Спб.

О послѣдованіи младенчеству Іисуса Христа, соч. ея же. Спб.

Краткій и легчайшій способъ молиться, ея же. Спб.

Христіанскія поученія, 2 ч., ея же. М.

Изъясненіе на апокалипсисъ, ея же. М.

1822.

Почтенія юношеству, соч. г-жи Гіонъ. М.

1823.

Правила жизни, соч. г-жи Гіонъ. М. (Смирд. 384).

Изъясненіе на Притчи, Екклесіаста, Пѣснь Пѣсней, соч. г-жи Гіонъ. М.

1824.

Изъясненіе на евангеліе отъ Матвея, Марка, Луки и Іоанна. 4 части, соч. г-жи Гіонъ. М. ¹⁾.

Примѣч. Отзывы архимандрита Фотія о нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ см. въ Обзорѣ р. дух. литер. архіеп. черниг. Филарета. Ч. 1863. ч. II, стр. 233—235.

4. Филаретъ—викарій петерб. митрополіи; кн. Голицынъ—министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; Михаилъ—митрополитъ с-петербургскій; пріѣздъ квакеровъ; ректоръ петерб. семинаріи Інокентій Смирновъ; Филаретъ—архіепископъ тверской; переводъ евангелія; обзоръніе имъ епархіи; мистики; торжество въ академіи наукъ; встрѣча Императора въ Твери; стих. «Вечерняя пѣснь»; переводъ въ Ярославль; изданія; Филаретъ—архіепископъ московскій.

Семилѣтніе служебные и ученые труды по академіи, частые и руководительные обзоры многихъ семинарій, участіе въ дѣлахъ с.-петербургской духовной консисторіи и комисіи духовныхъ училищъ, заботы въ строительномъ комитетѣ при

¹⁾ Замѣчательно, что изъ десяти переведенныхъ сочиненій г-жи Гіонъ только одно вошло въ каталогъ Сопикова и одно же въ «Роспись» Смирдина.

с.-петербургской духовной академіи, исполненіе особо-возлагаемыхъ порученій, изданіе ряда замѣчательныхъ сочиненій, образцовая дѣятельность какъ проповѣдника, участіе въ трудахъ библейскаго общества, сильное содѣйствіе переводу евангелія на русск. языкъ, засѣданія въ главномъ правленіи училищъ,—такова была дѣятельность Филарета, заслуживавшая почетнаго признанія. И 5 августа 1817 года, на 35 году отъ рожденія, Филаретъ былъ посвященъ въ санъ епископа—викарія сиб. митрополита. Викаріатство его прошло исключительно въ Петербургѣ; занятія по обязанностямъ викарнаго при ветхомъ лѣтами Амвросіи ниразу не позволили ему побывать въ Ревелѣ и вообще въ прибалтійской сторонѣ. Дѣятельность его архипастырская была по этому особенно заботлива, но она облегчалась добрымъ расположеніемъ кн. Голицына, который въ это время сталъ еще выше въ служебной іерархіи. Увлекаясь мистицизмомъ, онъ пришелъ къ той мысли, что министерство народнаго просвѣщенія должно быть соединено съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ, что къ народному воспитанію должны быть примѣнены основныя начала священнаго союза. Императоръ немедленно согласился съ этими мыслями кн. Голицына, и 24 октября 1817 года издалъ манифестъ о соединеніи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ одно, *дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія*; главою этого сліяннаго министерства Императоръ назначилъ (16 ноября) кн. А. Н. Голицына, который уже съ 1803 года былъ оберъ-прокуроромъ св. Синода, и давно и постоянно пользовался довѣріемъ и близкимъ расположеніемъ Государя ¹⁾. Узнавъ о назначеніи сердечно-любимаго князя, преосв.

¹⁾ Должность оберъ-прокурора однако не упразднилась, и оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ 24 ноября князь П. С. Мецкерскій. Министромъ народа, просвѣщенія до сей поры былъ графъ А. К. Разумовскій.

Филаретъ пишетъ ему по этому поводу письмо (отъ 4 декабря), въ которомъ съ живою радостію почтительной дружбы восклицаетъ: «да даруетъ вамъ Господь воистинну быть *служителемъ духа* въ церкви, *служителемъ свѣта* въ народѣ! Константинъ Великій называлъ себя *внѣшнимъ епископомъ* церкви. Церковь всегда признавала въ Помазанникахъ сіе достоинство. Въ настоящемъ званіи вашего сіятельства она должна признать *мѣстоблюстителя внѣшняго епископа* своего. И такъ вы вступаете въ клиръ церкви: Христосъ посредѣ насъ! Да будетъ Онъ средоточіемъ единомыслія и единокровія всѣхъ служащихъ царствію Его и стрегущихъ стражу дома Его!.... Домъ Божій будетъ молить, чтобы вы были стражемъ его безсмѣннымъ». Такъ восторженно—дружески отозвался преосв. Филаретъ въ этомъ радостномъ его сердцу случаѣ! Зная добрыя, многолѣтнія отношенія кн. Голицына къ Филарету, непременно скажешь, что это пишетъ преданный другъ къ своему истинному другу и покровителю, а не просто архіерей къ оберъ-прокурору, и потому отнюдь не позволишь себѣ думать, что письмо окрашено льстивымъ оттѣнкомъ, тѣмъ болѣе, что около этого времени наступалъ день рожденія князя (8 декабря), къ которому Филаретъ и приурочилъ настоящее свое поздравленіе.

26 марта 1818 года митр. Амвросій, вслѣдствіе прошенія, уволенъ былъ отъ управленія с-петерб. епархіей, съ предоставленіемъ ему одной новгородской. 6 мая онъ прибылъ въ Новгородъ, а 21 того же мѣсяца скончался, на 76 году отъ рожденія. Преемникомъ его, сначала с-петербургскимъ митрополитомъ, а послѣ и новгородскимъ, былъ назначенъ присутствовавшій тогда въ Синодѣ архіепископъ черниговскій Михаилъ. Воспитанникъ извѣстнаго «Дружескаго общества», Михаилъ во всю жизнь сохранилъ его высокія, благородныя стремленія; онъ былъ набожный мистикъ и все досужное отъ

служебныхъ занятій время посвящалъ наукѣ. Преосв. Филаретъ отзывался о немъ съ любовію.

Изъ событій этой поры, по отношенію къ преосв. Филарету, всего извѣстнѣе приѣздъ въ С.-Петербургъ квакеровъ изъ Англіи. Приѣздъ этотъ, можетъ быть, находился въ связи съ посѣщеніемъ Лондона Импер. Александромъ. Въ бытность свою въ Лондонѣ, Александръ, такъ склонный къ мистицизму, ознакомился съ сектою квакеровъ; посолъ нашъ въ Лондонѣ, кн. Ливенъ, представилъ Государю одного изъ нихъ—Стефана Грелье. 12 декабря 1818 года Грелье прибылъ уже въ Петербургъ. Какъ лично извѣстный Императору, онъ скоро познакомился съ кн. А. Н. Голицынымъ, съ митрополитомъ Михаиломъ, съ преосв. Филаретомъ, княгиней С. С. Мещерской и многими духовными и свѣтскими лицами. Въ назначенное время онъ былъ принятъ Государемъ, Императрицами и хвалился ихъ приемомъ. Онъ рассказываетъ даже, будто бы онъ молился съ Государемъ колѣнопреклонно, молчнкой молитвой, въ чаяніи сошествія на нихъ Св. Духа. То же говоритъ онъ и о кн. Голицынѣ. Но бесѣды съ митрополитомъ и его викаріемъ не сопровождались молитвеннымъ молчаніемъ, колѣнопреклоненіемъ и т. под. Пространныя залы митрополита, съ богатымъ убранствомъ, портретами, кандебрами, покойною мебелью, были не по душѣ квакеру, любящему во всемъ простоту. Самъ митр. Михаилъ, въ своемъ бѣломъ клобукѣ, съ алмазнымъ крестомъ, съ панагією, звѣздой на груди и съ четками въ рукахъ, возбудилъ въ немъ странное впечатлѣніе: Грелье видѣлъ въ немъ первосвященника іудейскаго. Иное впечатлѣніе произвелъ на квакера преосв. викарій Филаретъ. Самые покои викарія, не обширныя, безъ всякаго убранства, съ простою, необходимою только мебелью, какъ монашеская келья, были по сердцу Грелье, соотвѣтствуя простотѣ его квакерскихъ привычекъ и вкуса. Молодой епи-

скопъ былъ одѣтъ по будничному, и это также было гостю любо. И вотъ что говоритъ Грелье о нашемъ святителѣ: Это мужъ науки и знатокъ всѣхъ мертвыхъ языковъ и восточныхъ; не менѣе того въ немъ видны признаки большаго смиренія. Его уважаютъ какъ человѣка набожнаго и духовнаго. И по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ и по тому, что намъ о немъ говорили, мы думаемъ, что онъ заслуживаетъ эту добрую славу... Онъ сказалъ намъ, что изученіе древнихъ языковъ облегчаетъ пониманіе свящ. писанія, но что постиженіе Божіихъ дѣлъ даруется лишь Св. Духомъ, такъ какъ и постичь ихъ можно только духовно». Далѣе, въ разговорѣ съ ними, епископъ самымъ деликатнымъ образомъ изъяснилъ желаніе узнать, почему «общество друзей» (т. е. квакеры) не приѣмлетъ св. Евхаристіи; квакеры объяснили, что, по ихъ понятію, составляетъ истиннаго христіанина. На это преосвященный отвѣтилъ имъ историческими примѣрами, что и въ пустыни нѣкоторые изъ отшельниковъ удостоивались приобщенія передъ смертію, и не непосредственно, или въ духѣ, по квакерскимъ понятіямъ, а видимо, при посѣщеніи ихъ священнослужителемъ, случайно-ли, по слуху ли о болѣзни и т. д., всегда же по устроенію Божію. Такъ «Богодвижимый» Зосима пришелъ къ Маріи египетской. (Эта мысль подробно изложена имъ и въ одной изъ его проповѣдей, ч. II. стр. 43). Въ заключеніе онъ сказалъ, что церковные уставы, обряды и правила то же для христіанъ, что былъ законъ для евреевъ: пѣстунъ, приводящій насъ ко Христу. Онъ есть конецъ всѣхъ ихъ и ихъ сущность.—Грелье замѣчаетъ въ своей книгѣ, что Филаретъ былъ орудіемъ многихъ преобразованій въ духовенствѣ; что Императоръ, зная его достоинства, имѣетъ къ нему большое довѣріе, и что ему предпочтительно предоставленъ выборъ людей на важнѣйшія должности въ русской церкви и начальствованіе въ значительныхъ училищахъ.. О

прощальномъ свиданіи своемъ съ преосв. Филаретомъ Грелье говорить, что оно было торжественно и трогательно. «Онъ съ полной свободой и христіанской нѣжностію объяснилъ намъ свои упражненія.. Нѣсколько секундъ мы были погружены сами въ себя... Мы сознали наше духовное общеніе, потому что насъ оцѣнило могущественное крещеніе во истину (?). При прощаніи съ нами онъ былъ очень умиленъ, обнялъ насъ и далъ намъ поцѣлуй любви во Христѣ». Послѣ онъ прислалъ имъ нѣсколько писемъ на дорогу ихъ изъ Петербурга въ Одессу. Въ прощальной запискѣ, исполненной христіанскихъ чувствъ, онъ пожелалъ, чтобы Господь сопутствовалъ имъ, подобно какъ сопутствовалъ своимъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ.

Внушая любовь и уваженіе своимъ и чуждымъ, преосв. Филаретъ въ то же время не избавился отъ напрасныхъ нареканій. Такъ, его обвиняли въ недоброжелательствѣ къ ректору петерб. семинаріи (и вмѣстѣ цензору) архим. Иннокентію Смирнову ¹⁾; утверждали даже, что Филаретъ былъ виною гоненія на Иннокентія,—обвиненіе тѣмъ болѣе тяжѣлое, что самъ Иннокентій нѣкоторое время сомнѣвался въ искренности отношеній къ нему Филарета. Дѣло въ томъ, что Иннокентій, увлекаясь ревностію къ охраненію православія, иногда преступалъ предѣлы осторожности; Филаретъ, всегда осмотрительный, уже и въ прежніе годы не разъ предостерегалъ его и говаривалъ: «намъ, двумъ архимандритамъ, не спасти церковь, если въ чемъ есть погрѣшности; а лучше обращаться къ преосв. митрополиту Амвросію, котораго голосъ имѣетъ болѣе силы, нежели наши оба». Такъ, въ 1815 году появился переводъ книги Штиллинга: *Побѣдная*

¹⁾ Авторъ «Церковной исторіи послѣ времянъ библейскихъ», впоследствии епископъ Пензенскій, † 1819.

повѣсть, или торжество христіанской вѣры¹⁾; въ ней содержалось изъясненіе Апокалипсиса, и истолкованіе первыхъ пяти печатей, упоминаемыхъ въ немъ, было дѣйствительно замѣчательно; но вся книга была проникнута духомъ протестантства, особенно во взглядѣ на соборы. (Архим. Фотій отзывался о ней такъ: «революціонная, злая»). Иннокентій сильно возсталъ-было противъ этой книги; но Филаретъ успокоилъ его тѣмъ, что она пропущена *свѣтскою* цензурою, и слѣдовательно, на ихъ отвѣтственности не лежитъ. Одинъ изъ переводчиковъ того времени, Ст. Смирновъ, написалъ на эту книгу возраженіе весьма рѣзкое, но мало толковое, подъ заглавіемъ: «Вопль жены, облеченной въ солнце». Иннокентій хотѣлъ пропустить его рукопись, но Филаретъ удержалъ его, чтобы не произвести напраснаго волненія, и митр. Амвросій одобрилъ его мнѣніе. Смирновъ въ августѣ 1816 года написалъ письмо къ Государю и просилъ дозволенія напечатать его опроверженіе «Побѣдной повѣсти» Штиллинга²⁾; но просьба его не была уважена,—опроверженіе осталось въ рукописи. Иннокентій однако не остерегся. Въ отсутствіе Филарета, когда тотъ отлучился для обозрѣнія семинарій, Иннокентій, взволнованный нѣкоторыми статьями Сіонскаго Вѣстника³⁾, написалъ рѣзкое письмо къ князю А. Н. Голицыну

¹⁾ Объ отношеніяхъ Филарета къ Иннокентію, въ книгѣ Сушкова (стр. 109) приведена записка А. Н. Муравьева, въ которую вкрались нѣкоторыя неточности: ошибочно сказано, что митрополитомъ тогда былъ Михаилъ (онъ сталъ митрополитомъ только въ 1818 году, а это дѣло было въ 1815, и при митр. Михаилѣ Филаретъ уже былъ епископомъ, а не архимандритомъ); ошибочно названа и книга Штиллинга (см. Сопик. V, 13055. Слб. 1815).

²⁾ Чтенія въ общ. истор. и древн. 1858. ч. IV. Смѣсь, стр. 139—142.

³⁾ Лабзинъ возобновилъ его изданіе, по высшей волѣ, въ 1817 году (вышло 9 книгъ), и продолжалъ въ 1818 (вышло 6 книгъ, и тѣмъ кончилось). Въ книгѣ г. Сушкова (стр. 169) Лабзинъ названъ вице-директоромъ академіи; надо бы точнѣе: вице-президентомъ академіи *художествъ*; тамъ же не указанъ годъ, когда случилось рассказываемое событіе,—дѣло могло быть въ 1817—1818 г.

и совѣтовалъ ему стараться залѣчить раны, которыми онъ самъ уязвилъ церковь. Князь принесъ письмо къ митрополиту, предоставляя его суду рѣзкость выраженій, и митрополитъ (Михаиль?) едва могъ убѣдить Иннокентія идти просить извиненія у князя, но крайней мѣрѣ на томъ основаніи, что если ревность его и справедлива, то не его дѣло было упрекать князя. Князь примирился, но, конечно, не могъ совершенно забыть выходки Иннокентія. Скоро къ тому представился и случай. Въ 1818 году нѣкто Евстафій Станевичъ, впрочемъ плодовитый писатель и переводчикъ ¹⁾ доставилъ Иннокентію свою рукопись *«Бесѣда на гробъ младенца о безсмертіи души»* (Смирд. 278), написанную въ опроверженіе мистиковъ подобныхъ Лабзину. Иннокентій лежалъ больной и не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя постепенно присылалъ ему Станевичъ. Филаретъ, посѣтившій Иннокентія во время болѣзни, взглянулъ на заглавіе рукописи и также оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая найти въ ней ничего особенно замѣчательнаго. Книга поступила въ печать. Вдругъ кто-то сообщилъ кн. Голицыну, что вотъ такая книга Станевича печатается въ типографіи по просмотрѣ ея цензурою духовной академіи; кн. Голицынъ немедленно написалъ архим. Иннокентію, чтобы онъ не выдавалъ билета на выпускъ ея изъ типографіи и доставилъ бы ему одинъ экземпляръ. Билетъ однако былъ уже выданъ, но Иннокентій вытребовалъ его обратно и доставилъ книгу кн. Голицыну. Князь нашелъ въ ней много выраженій, слишкомъ оскорбительныхъ для преобладающей власти и вообще для духа правленія того времени. Опъ пе-

¹⁾ Онъ былъ жаркимъ приверженцемъ Шишкова. Сатирикъ Милоновъ въ стихахъ своихъ называлъ его «Плаксевицемъ»; Пушкинъ—«гробокопатель» Юнгомъ; а Воейковъ въ своемъ Парнаасскомъ адресъ-календарѣ говоритъ, что Совѣтъ Музъ, за ревностные труды Станевича въ злословіи, повелѣлъ ему впредъ и слыть и быть «Сатансвицемъ».

медленно потребовалъ къ себѣ Филарета и съ раздраженіемъ показалъ ему экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками. Князь Голицынъ грозилъ доложить о ней Государю. Филаретъ старался извинить Иннокентія нездоровьемъ, просилъ удержаться отъ доклада Государю и дать время исправить книгу, т. е. перепечатать нѣкоторые листы. Въ тотъ же день Филаретъ поспѣшилъ къ Иннокентію; но тотъ отвѣчалъ коротко, что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе. Филаретъ отправился къ митрополиту и когда прочелъ ему нѣкоторые отрывки, митрополитъ въ ужасѣ осуждалъ почти каждое слово; Филаретъ старался убѣдить его—исправить то, что могло принести вредъ, и перепечатать листы на собственный счетъ, если того не захочетъ авторъ ея. Митрополитъ Михаилъ оставилъ у себя книгу на нѣсколько дней ¹⁾.... Вдругъ, 6 генваря 1819 года, князь Голицынъ даетъ коммисіи духовныхъ училищъ предложеніе, въ которомъ выражаетъ свое удивленіе, какъ могла такого содержанія книга быть одобрена духовною цензурою ²⁾. «Авторъ (говоритъ князь) къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей грекороссійской церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство, особливо съ той точки, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство при-

¹⁾ Въ запискѣ А. Н. Муравьева (стр. 110—111) дѣло излагается нѣсколько иначе; рѣчь о книгѣ Станевича на этомъ и прекращается; названіе книги и годъ ея появленія приведены неточно.

²⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1861 г., кн. 1. Смѣсь, стр. 201—202.

нимается за оную.... Однимъ словомъ, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части. Изъ сего изложенія коммисія духовныхъ училищъ усмотрить, что мнѣ нельзя было оставить сіе дѣло негласнымъ, тѣмъ болѣе, что безъ Высочайшаго разрѣшенія я только на время могъ остановить сочиненіе уже напечатанное. Для того представилъ я книгу сію, съ замѣченными мною листами, на усмотрѣніе Государя Императора. Его Величество весьма недоволенъ, что въ цензурѣ духовной академіи, по новому ея образованію, могла быть одобрена книга, исполненная такого духа. Цензору же архимандриту Иннокентію, разсматривавшему оную, сдѣлать строжайшій выговоръ за его неосмотрительность, отъ него менѣе ожидаемую, по мѣсту, имъ занимаемому. Государь Императоръ надѣется, что коммисія духовныхъ училищъ приметъ мѣры, чтобъ подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуры, находящейся въ ея вѣдомствѣ».

Какъ видите, тонъ предложенія очень сложенъ и суровъ: въ немъ—и пропія, и ревность по вѣрѣ, и обличеніе, и укоръ; досталось всѣмъ—и автору, и цензурѣ, и духовной академіи по новому ея образованію, и цензору, и самой коммисіи духовныхъ училищъ. Книга была запрещена, всѣ экземпляры ея отобраны; сочинитель ея былъ даже высланъ изъ столицы.—Дѣло понятное: книга Станевича была *«совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части»*..... Несвольно сжальсь, что слова эти слишкомъ прозрачно показываютъ, что кн. Голицынъ прямо на себя принялъ пападки книги (вѣдь онъ—былъ министр по гражданской и духовной части). И въ самомъ дѣлѣ, книга Станевича полна была нападокъ на

мистицизмъ, а кн. Голицынъ считалъ себя чуть не открыто официальнымъ его покровителемъ. Изъ того же предложенія ясно, какъ высоко ставилъ князь ученіе мистицизма: онъ видитъ въ немъ внутреннюю церковь, считаетъ его *духомъ внутренняго ученія христіанскаго*, хотя самое слово «мистицизмъ» не употребляетъ ниразу. Все это нѣсколько странно; но еще страннѣе то обстоятельство, что чрезъ нѣсколько времени князь А. Н. Голицынъ, помимо вѣдома Сѣнода, доложилъ Государю о назначеніи Иннокентія, въ уваженіе его заслугъ, епископомъ въ Уфу; докладъ былъ утвержденъ.... Повышеніе нельзя было почесть почетомъ, и только удаленіе изъ столицы и холодный климатъ епархіи могли быть тягостны для Иннокентія. Митрополитъ, огорченный тѣмъ, что назначеніе епископа послѣдовало въ первый разъ безъ избранія сѣнодальнаго, замѣтилъ объ этомъ князю въ присутствіи Сѣнода; извиняя на этотъ разъ распоряженіе князя тѣмъ, что Иннокентій былъ уже однажды представляемъ отъ Сѣнода въ числѣ кандидатовъ на архіерейскую кафедру, митрополитъ однако просилъ перевести Иннокентія въ епархію болѣе благопріятную по климату. Иннокентій былъ назначенъ въ Пензу. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ княгинѣ С. С. Мещерской Иннокентій въ это время писалъ: «преосв. Филаретъ говоритъ, будто я упалъ духомъ, но знаетъ ли онъ, что я никогда и не возвышался духомъ»? Въ послѣднихъ словахъ можно видѣть нѣкоторый укоръ Филарету, или по крайней мѣрѣ чувство недовѣрчивости. Такова вся исторія ихъ отношеній... Очевидно, въ ней есть нѣкоторая неполнота, мѣшающая произнести окончательное мнѣніе.

Въ томъ же мѣсяцѣ новая милость излилась и на преосв. Филарета: 15 марта Всемилостивѣйше повелѣно ему быть архіепископомъ тверской епархіи и вмѣстѣ членомъ св. Сѣнода. Тверская епархіа стояла въ разрядѣ второкласныхъ седьмою.

Въ Твери предмѣстникомъ его былъ архіепископъ Серафимъ, котораго тогда пожаловали митрополитомъ въ Москву. Не предвидя возможности (по сѣнодальнымъ дѣламъ) скорѣ прибыть на свою новую епархію, преосв. Филаретъ привѣтствовалъ ее грамотою ¹⁾. Въ Сѣнодѣ въ это время окончательно разсматривался переводъ Евангелія на русскій языкъ. Уже сказано было, что переводомъ занимались по преимуществу бакалавры петерб. дух. академіи. Для пересмотра и приведенія въ единство разныхъ переводовъ, составленъ былъ комитетъ изъ членовъ св. Сѣнода, преимущественно знавшихъ древніе языки, и изъ ректоровъ академіи и семинаріи (Филарета и Иннокентія). Къ концу марта 1819 года окончательно были пересмотрѣны и напечатаны четыре евангелія; преосв. Филаретъ, уже какъ архіепископъ тверской, написалъ прекрасное «*Возглашеніе къ христіолюбивымъ читателямъ*», которое и помѣщено было въ началѣ перевода; изданіе перевода совершенно было на иждивеніи росс. библейскаго общества, имѣвшаго свою типографію. Быстро потомъ появлялись изданія за изданіемъ св. книги; не замедлили воспользоваться ею самые раскольники, молоканы. Только по окончаніи этого дѣла, преосв. Филаретъ могъ наконецъ отправиться въ свою епархію. Но назначенный присутствовать въ Сѣнодѣ, онъ улучилъ только промежутокъ, свободный отъ сѣнодальныхъ занятій, и въ теченіе его поспѣшилъ обозрѣть еще невидѣнную епархію. Здѣсь впервые проявилась его архипастырская дѣятельность. Сто дней посвящено было имъ на это обозрѣніе. Цѣлые дни проходили въ распоряженіяхъ на мѣстѣ; всякій день служилъ онъ гдѣ утреню, гдѣ литургію, гдѣ вечерню, и поучалъ въ церквахъ народъ, такъ что въ теченіе этихъ ста дней онъ сказалъ до ста проповѣдей, безъ при-

¹⁾ Она хранится въ тверскомъ каедр. соборѣ.

готовленія; но ни одной изъ этихъ проповѣдей не сохранилось для насъ, потому что ни одной онъ не записалъ. Ночью отправлялся онъ далѣе по епархіи, и только ночью отдыхать отъ трудовъ прерывистымъ сномъ въ дорожной каретѣ¹⁾. Окончивъ обзоръ епархіи, Филаретъ снова возвратился въ Петербургъ.

Переводы священнаго писанія и поѣздка по епархіи отвлекли его вниманіе отъ мистиковъ, да и ихъ дѣятельность отчасти ослабѣла. *Сіонскій Вѣстникъ* въ 1818 году еще продолжался и получалъ болѣе и болѣе интереса въ содержаніи, но уже въ началѣ года Лабзинъ чувствовалъ трудность вести его. Онъ жаловался на холодность нѣкоторыхъ къ журналу и говорилъ: причина сей холодности не новая; именно, цензура²⁾ относилась къ журналу съ такими требованіями, что нельзя было и думать о продолженіи изданія, и Лабзинъ прекратилъ его июньской книжкой 1818 года. Но главное дѣло было уже сдѣлано: значеніе энциклопедизма и вольтеріанства въ нашемъ обществѣ потрясено было въ сильной степени, и вообще, борьба мистиковъ съ матеріализмомъ и энциклопедистами была дѣломъ добрымъ, заслугой несомнѣнной. Но увлеченіе мистиковъ нерѣдко переходило предѣлы, и въ массѣ сочиненій ихъ проскользали и ложныя идеи. Въ 1818—1819 г. явился въ Москвѣ сдѣланный Е. Карпѣевымъ переводъ сочиненія протестантскаго пастора Dutoit de Mam-

¹⁾ Разъ какъ-то спросилъ онъ ямщика, какъ называется село, черезъ которое лежала дорога.—«Село нехорошее».—отвѣтилъ ямщикъ.—Все же тутъ, чай, найдутся и хорошіе люди? спросилъ владыка.—«Вѣстимо, что найдутся. А не то Богъ не потерпѣлъ бы и села».—Вспоминая въ недавнее время объ этомъ разговорѣ, владыка примолвилъ: «вотъ, я хотѣлъ поучить ямщика; а вышло на оборотъ—ямщикъ меня наставлялъ».

²⁾ Странно, что цензура журнала была свѣтская, да и книги Экартсгаузена, Штиллинга, Гюль и друг. печатались также по одобренію свѣтской цензуры до 1824 года.

brini: «Божественная философія». Редакторъ газеты «Русск. Инвалидъ», П. П. Пезаровіусъ, ревностный мистикъ, напечаталъ въ своей газетѣ разборъ перевода и извлеченія изъ него ¹⁾. Характеръ разбора былъ тогда же замѣченъ Карамзинымъ въ письмѣ его къ Дмитріеву, отъ 28 февраля 1819 года: «читаешь ли *Инвалида*?—спрашивалъ Карамзинъ.—Въ послѣднемъ номерѣ издатель пишетъ, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнѣевымъ—*Philosophie divine*.—Многіе сердятся и предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію ²⁾; а я даже и не смѣюсь. Все идетъ своимъ порядкомъ». Изъ словъ Карамзина видно, что такое увлеченіе мистицизма начали уже замѣчать и другіе; впрочемъ, борьбы явной еще не начиналось; самая дѣятельность мистиковъ съ 1820-хъ годовъ уже слабѣетъ, и общее вниманіе было обращено на продолжающійся переводъ священнаго писанія. Послѣ отпечатанія евангелія, начался переводъ книги Дѣяній св. апостолъ. Баккалавры петерб. дух. академіи продолжали дѣло перевода; труды ихъ разсматривались въ комитетѣ, гдѣ присутствовали преосв. Михаилъ, Серафимъ, Филаретъ, Иппокентій (до отъѣзда въ Пензу). Лабзинъ, В. М. Поцовъ и вновь приглашенный Г. П. Павскій. Послѣдній съ этого времени до самаго конца перевода новозавѣтныхъ книгъ былъ главнымъ пересмотрщикомъ и исправителемъ всѣхъ частныхъ переводовъ. Къ каждому собранію комитета онъ приготовлялъ пересмотрѣнный текстъ для окончательнаго одобренія. Вслѣдствіе этихъ занятій Павскій былъ признанъ дѣйствительнымъ членомъ библейскаго общества ³⁾.

¹⁾ Русск. Инвал. 1819 г., № 48, 49, 51 и 53.

²⁾ Намекъ на президента российской академіи, адмирала А. С. Шишкова. См. «Письма П. М. Карамзина къ П. И. Дмитріеву». Спб. 1866. стр. 258. Слѣди тамъ же стр. 323.

³⁾ Записки Имп. Ак. Н. т. IV, кн. 2. Спб. 1864. стр. 130.

8 января 1820 года мы встрѣчаемъ преосв. Филарета однимъ изъ почетнѣйшихъ гостей въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, когда академія торжественно увѣнчала большою золотою медалью Н. М. Карамзина за его «Исторію Государства Россійскаго». И Карамзинъ, описывая Дмитріеву академическое торжество свое, внимательно прибавляетъ строчку: *Филаретъ благословилъ меня усердно* ¹⁾. Словно видишь изъ-за этой строчки и растроганно чувствуешь, какъ искренно внимателенъ былъ владыка къ подвижнику-писателю и какъ дорожилъ этимъ вниманіемъ знаменитый писатель и прямой гражданинъ.

Лѣтомъ того же года преосв. Филаретъ возвратился въ Тверь и встрѣчалъ въ ней Государя Императора, который 8 іюля выѣхалъ изъ Царскаго села въ Москву и Варшаву, оттуда на конгрессъ въ Троппау и Лайбахъ. Преосв. Филаретъ привѣтствовалъ его рѣчью. Политическія обстоятельства того времени и цѣль отъѣзда Государя заставляютъ думать, что рѣчь была полна интереса, при томъ это было *первое* привѣтствіе, съ какимъ преосв. Филаретъ обратился къ Государю, первая изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ онъ явился такой великій мастеръ; но къ сожалѣнію, рѣчь эта доселѣ остается неизвѣстною намъ. Единственное свѣдѣніе о ней встрѣчаемъ мы въ письмѣ А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву, отъ 23 іюля того же года: «Посылаю—пишетъ Тургеневъ въ концѣ письма—посылаю вамъ привѣтствіе Государю тверскаго архипастыря Филарета» ²⁾. Но какое это привѣтствіе? было-ли оно напечатано? гдѣ оно теперь?—ничего неизвѣстно. Видно

¹⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 280.

²⁾ Русскій Архивъ 1867 г. вып. 4, стр. 657.

только, что оно было такъ хорошо, что его, какъ замѣчательную вещь, лучшіе люди шлютъ изъ столицы въ столицу ¹⁾).

Въ августѣ преосв. Филаретъ отправился опять въ Петербургъ. Отъ этого путешествія дошло до насъ одно замѣчательное произведеніе его, именно—стихотвореніе «Вечерняя пѣснь путешественника», созданное имъ 24 августа на тверской дорогѣ. Трудно рѣшить, говорить-ли оно о душевномъ настроеніи преосв. Филарета въ ту пору, навѣяно ли оно на него обстоятельствами пути, мыслию о значеніи его, или просто ему вздумалось переложить въ стихи два отрывка изъ евангелія; во всякомъ случаѣ стихотвореніе заслуживаетъ всего нашего вниманія. Такъ-какъ стихотвореній преосв. Филаретъ писалъ очень-очень мало, и они рѣдко кому извѣстны, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь пѣску, о которой говоримъ ²⁾. Въ ней двѣ части и каждая изъ нихъ внушена особымъ текстомъ свящ. писанія.

«Отвѣщая же Петръ рече: Господи, аще Ты еси, повели ми прійти къ Тебѣ по водамъ» и пр.

Матѣ. XIV.

Къ Тебѣ, о Путь непреткновенный,
Къ Тебѣ, Путь истинный, живый,
Взываетъ путникъ утомленный,
Пути его во тьмѣ не скрый.

Ты волны нѣкогда высоки
Въ путь гладкій уравнишь пловцамъ;
Ты воды нѣкогда глубоки
Въ путь безопасный дашь стопамъ.

¹⁾ И такъ, это уже 446-я рѣчь преосв. Филарета. Въ спискѣ нашемъ она пропущена.

²⁾ Она была напечатана въ Дух. Чит. 1867 г., № 9, во тогда едва ли многіе знали, что она принадлежитъ преосв. Филарету.

Сей путь мой не въ водахъ и въ морѣ,
Но волны есть въ душѣ моей...
Явись, волнъ Укротитель, вскорѣ,
И бурѣ запрети страстей!

По зыблемой водѣ, текущей
Ничтожныхъ временныхъ вешей,
Къ странѣ живыхъ присноцвѣтущей
Даждь твердый путь душѣ моей!

Увы! изнемогаетъ вѣра:
Твой легкій путь я труднымъ чту;
Плоть низмываетъ маловѣра,
И погружаетъ въ суету.

Спаси, Наставники! гибну, гибну!
Умилосердись, ускори...
Но съ гласомъ грознымъ руку миру
Извлечь погрязшаго иростри.

*«И рекости къ себѣ: не сердце ли наю торя
бѣ въ наю, егда малолѣтне намя на пути» и пр.*

Лунъ XXIV.

Не познаваемый своими,
Съ своими былъ Ты на пути;
Бесѣдоваль до ночи съ ними,
Чтобъ ихъ ко свѣту привести.

Тебѣ ихъ око не узнало,
Но духъ, не зная, ощущалъ;
Тобою сердце ихъ пылало,
Когда Ты умъ ихъ просвѣщаль.

Явися, Свѣте возжелѣнный,
Явися я на сѣмъ пути!
Душѣ моей въ тѣни вечерней
Бродить одной не попусти!

Не мщеть око дерзновешию
Лица зрѣть славу Твоего;
Но сердце ждетъ окаменѣнно,
Не коснешься ли Ты его.

Коснись—и крѣпостью Твоею
Изъ камня искру изсѣки;
Коснись—и благостью Твоею
Изъ смерти жизнь мнѣ прореки.

Возсядѣ, вечеряй со мною,
И хлѣбъ мой преломи мнѣ самъ,
Насыщенъ, услажденъ Тобою,
Я живъ, блаженъ и здѣсь и тамъ.

Тамъ, гдѣ пути всѣ совершатся,
Гдѣ безднѣ, и бурѣ, и мраковъ пѣть,
Гдѣ жизни отъ Тебя родятся,
Гдѣ истина въ Тебѣ живетъ.

Даждь, да во правдѣ и святинѣ
И сквозѣ мракъ во свѣтъ зрю твой;
Да восхваляю Тебя отнынѣ
Во вѣки чистою хвалою!

Благоговѣніе, чуемое сердцемъ въ этой «Пѣснѣ», и счастливое сочетаніе въ ней славянизмовъ съ русскою рѣчью придаютъ ей значеніе молитвы и какую-то тайную силу, охватывающую и умиляющую сердце....

26 сентября того же 1820 года, значить, черезъ полтора года архипастырской дѣятельности въ Твери, преосвящ. Филаретъ переведенъ былъ въ Ярославль. Въ ряду второкласныхъ епархій, ярославская стояла выше тверской. Тамъ доселѣ былъ преосв. Антоній (Знаменскій), уволенный нынѣ на покой, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, почетный членъ московскаго университета и разныхъ ученыхъ обществъ († 1824). Преосв. Филаретъ отправилъ новой паствѣ своей привѣтственное посланіе, такъ-какъ дѣла Синода, въ которомъ онъ былъ на очереди, удерживали его въ Петербургѣ. Впрочемъ, не только дѣла Синода, но и труды по участию въ главномъ правленіи училищъ и другія обстоятельства занимали

его теперь въ Петербургѣ. Тамъ въ это время напечаталъ онѣ «Чтенія изъ четырехъ евангелистовъ и изъ книги Дѣяній апостольскихъ, для употребленія въ гражданскихъ училищахъ», изданныя первоначально на *русскомъ* языкѣ, *гражданскимъ* шрифтомъ ¹⁾. Книга эта тогда же появилась и въ Англіи, въ переводѣ на англійскій языкъ. Въ концѣ 1820 года, *въ первый еще разъ*, преосв. Филаретъ издалъ собраніе своихъ словъ, говоренныхъ въ разныя времена, начиная съ іеромонашества въ александровской лаврѣ. Впрочемъ, изъ этого послѣдняго періода очень немного вошло въ это первое собраніе. Книга имѣла, какъ видно, значительный и быстрый успѣхъ, потому-что въ слѣдующемъ году потребовалось новое изданіе ея. Но преосв. Филаретъ былъ неизмѣнно строгъ къ самому себѣ, и второе изданіе увеличилъ только двумя новыми словами, и по прежнему не помѣстилъ ничего изъ старыхъ, опущенныхъ прежде. Среди этихъ занятій въ столицѣ, ему не удалось даже побывать въ Ярославлѣ, какъ ни рвалась душа его туда, а особенно въ Ростовъ, поклониться св. Димитрію и прочимъ св. мужамъ «такъ давно святой земли». 3 іюля 1821 года, прежде чѣмъ окончилось второе изданіе его словъ, преосв. Филаретъ назначенъ былъ архіепископомъ московскимъ и свято-троицкія Сергіевы лавры священно-архимандритомъ, съ присутствіемъ въ московской синодальной канторѣ. И такъ, уроженцу московской епархіи пришлось, на 39 году отъ рожденія, сдѣлаться первосвятителемъ въ родномъ краю. Назначеніе это послѣдовало, когда онъ все еще былъ въ Петербургѣ; тамъ и еще нѣсколько времени оставался онѣ, въ ожиданіи своего предмѣстника по епархіи, митрополита Серафима, переведеннаго въ Петербургъ. Здѣсь, встрѣ-

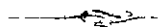
¹⁾ Потомъ уже ихъ стали печатать церковной печатью; причина уяснится далѣе.

тивъ старца-святителя, уже единого изъ тѣхъ, кои его рукоположили, назадъ тому четыре года, преосв. Филаретъ принялъ его братское цѣлованіе и напутствіе, и въ началѣ августа отправился въ Москву первопрестольную, подѣ съ нъ святителей-чудотворцевъ, къ храмовому празднику Успенскаго собора.

(Продолженіе будетъ).

С. Пономаревъ.

Пять нисемъ митрополита московскаго Филарета къ кн. А. Н. Голицыну.

I.

Сіятельнѣйшій князь!

Милостивый Государь!

Державная власть Государя облека ваше сіятельство новымъ званіемъ. Званіемъ: ибо самое дѣло званія новаго давно было вѣрено вашей вѣрности. Но утвержденіемъ званія постояннѣе утверждается дѣло и образъ дѣла. И потому нынѣ время со всѣми жаждущими духа и свѣта единодушно воззвать: да даруетъ вамъ Господь воистину быть *служителемъ духа* въ церкви, *служителемъ свѣта* въ народѣ.

Константинъ Великій называлъ себя *внѣшнимъ епископомъ* церкви. Церковь всегда признавала въ помазанникахъ сіе достоинство. Въ настоящемъ званіи вашего сіятельства она должна признать *мѣстоблюстителя внѣшняго епископа* своего. Итакъ вы вступаете въ клиръ церкви: Христосъ посредѣ насъ! Да будетъ Онъ средоточіемъ единомыслія и единодушія всѣхъ служащихъ царствію Его и стрегущихъ стражу дома Его!

Приближеніе дня, въ который, по судьбамъ владычествующаго днями, ваше сіятельство узрѣли свѣтъ жизни, побуждаетъ меня еще вознести желаніе, да краткіе и перемѣн-

ные дни земли будутъ для васъ свѣтлы и постоянны, какъ дни неба. Домъ Божій будетъ молить, чтобы вы были стражемъ его безсмѣннымъ.

Пріимите, сіятельнѣйшій князь, сіе изъясненіе чувствованій, которымъ обстоятельства дали только образъ, и которыхъ всегдашнее основаніе есть глубокое почтеніе, полная во Господѣ преданность, съ коими есмь

Вашего сіятельства

милостиваго государя

всепокорнѣйшій слуга и недостойный богомолецъ

Филаретъ епископъ ревельскій.

Декабря 4. 1817 г.

Въ нашемъ ученическомъ быту все—слава Богу. Семинаріи открыты всеѣ. На письмо вашего сіятельства, за которое признательнѣйше благодарю, отвѣтомъ остаюсь долженъ.

II.

Сіятельнѣйшій князь!

Милостивый Государь!

Сверхъ ожиданія, не только узнаю, что донесеніе мое представлено Государю Императору, но и получаю Высочайшій отвѣтъ, сопровождаемый священнымъ знакомъ милости. Милость—незаслуженная: но облегченіе отягченнаго сердца благовременное. Богъ да ущедритъ Царя щедраго въ благоволеніи!—Поселику обратитъ на меня вниманіе, подало Государю случай исполненіе мною порученія Его предшественника; и поелику Онъ Самъ нашелъ для Себя угодною мысль, чтобы Его царствованіе было одно съ предъидущимъ: то мнѣ показалось, что имѣю право почитать себя вдругъ получающимъ милость отъ обоихъ Государей. Потому, получивъ Высочайшій рескриптъ вчера, я началъ сегодня панихидою по

незабвенномъ Александрѣ; а потомъ совершивъ литургію, и возложивъ на себя священный знакъ благоволенія, дарованный мнѣ пресмникомъ Его, принесъ наконецъ благодарственное моленіе о здравіи Его Императорскаго Величества.

Опять прибѣгаю къ вашему сіятельству. Когда есть удобность,—получившіе милость Государя допускаются лично принести Ему благодарность: не будетъ ли же прилично, чтобы я исполнилъ сіе письменно?—покорнѣйше прошу ваше сіятельство рѣшить сіе. Ибо я и то думаю, что заставитъ Государя прочитатъ лишнюю строку есть святотатство Его священнаго времени.

Примите ваше сіятельство искреннюю благодарность мою, какъ посредникъ, и моего къ Монарху дерзновенія, и Монаршаго ко мнѣ благоволенія, что показали мнѣ черты руки вашей на конвертахъ, полученныхъ мною отъ Его Величества.

Теперь буду отвѣчать на письмо вашего сіятельства.

Слава Богу! Истинныя свѣдѣнія о томъ, какъ дѣйствуетъ Государь, распространяются здѣсь, какъ лучи солнца, и уничтожаютъ мрачность 14 дня, долго здѣсь продолжавшуюся, по недостатку скорыхъ извѣстій.

Поелику вашему сіятельству угодно было спросить о моемъ здоровьѣ: то скажу. Печальная вѣсть пришла ко мнѣ и нечаянно, и позже другихъ: пораженному ею представились затрудненія, противустоявшія исполненію того, что мнѣ поручено было въ Божѣ почившимъ Государемъ; какъ трудно мнѣ было при полученіи перваго повелѣнія изъ Петербурга, особенно по духу, можете вообразить; потомъ странная неизвѣстность. Когда началъ являться свѣтъ,—и онъ явился не днемъ, а ночью. Вдругъ разбудилъ меня священникъ, котораго звали приводить къ присягѣ нынѣ царствующему Государю,

служащихъ на Сухаревой башнѣ: я тотчасъ понялъ, что это правда; но что было дѣлать? Остановить, значило распространять сомнѣніе; дозволить, когда ни военный губернаторъ, ни я не имѣли никакихъ свѣдѣній, было бы странно. Подобныя, и небольшія, но послѣдствіями озабочивающія нечаянности тяжелы были для моей головы. Когда время напряженія кончилось, я имѣлъ по три noci кровотечение изъ носу. Впрочемъ теперь, слава Богу, кромѣ небольшой, почти уже обыкновенной для меня слабости, не чувствую ничего непріятнаго.

Ревность моя, уже дѣйствительно оказавшаяся ревностію не по разуму, опять меня беспокоитъ. Сегодня слышу, что тѣло въ Бозѣ почившаго Государя полагаютъ поставить въ Успенскомъ соборѣ. Не знаю сему примѣра. Это соборъ коронаціи. Всѣ печальныя церемоніи издревле совершаются соборно въ Архангельскомъ. И покойный Государь въ послѣднюю бытность въ Москвѣ въ Архангельскомъ слушалъ панихиду 29 августа, въ тотъ день, въ который завѣщательный актъ внесенъ въ Успенскій соборъ.—Одно возраженіе: въ Архангельскомъ тѣсно. Однако можно. Впрочемъ представляю сіе вашему сіятельству, на случай: а исполнять буду, что повелѣно будетъ, какъ лучшее. Думаю однако, что и мысль народа, привыкшаго здѣсь къ постоянству церковныхъ обычаевъ, болѣе падаетъ на Архангельскій.

Желаю вашему сіятельству съ благословеніемъ Божиимъ вступить въ новый годъ, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю долгъ быть

Вашего сіятельства
Милостиваго Государя и благодѣтеля
покорнѣйшій слуга и богомолецъ
Филаретъ архіепископъ московскій.

Декаб. 30. 1825.

— 191 —

Сейчасъ узнаю, что поставленіе тѣла въ Успенскомъ соборѣ объявлено по высочайшему повелѣнію. Слѣдственно ревности моей уже нѣтъ мѣста размышлять, а творить повелѣнное. Покорнѣйше прошу оставить написанное мною безъ дѣйствія.

III.

Сіяте́льнѣйшій князь,
Милостивый Государь и Благодѣтель!

Отъ свѣтскаго начальства узналъ я о крѣпостной г. Исленьева дѣвицѣ Даріи Ивановой безграмотной скотницѣ, объявившей себя посланною отъ Бога. Собственноручную записку священнослужителя доброй вѣры, поставленнаго съ нею въ сношеніе, при семъ препровождаю.

Дѣвица желаетъ, чтобы ея сказаніе доведено было до Высочайшей фамиліи. Полагаю, что есть и долгъ довести оное до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора.

Но какъ сіе требуетъ всей возможной предосторожности противъ гласности, то, минуя другіе, болѣе или менѣе официальные пути, прибѣгаю къ посредству вашего сіятельства.

О! да не оскудѣтъ даръ *испытывать души, аще отъ Бога суть!* Сіе желаніе имѣлъ я уже нѣкоторый особенный случай написать къ почившему въ Бозѣ Государю.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю долгъ быть

Вашего сіятельства,
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга и богомолецъ
Филаретъ, архієпископъ московскій.

Генваря 25. 1826 г.

Неизлишнимъ почитаю присовокупить, что дѣвица Д., по словесному рѣшенію военнаго генераль-губернатора, съ которымъ и я согласился словесно, поручена была въ личное и исключительное смотрѣніе Борисоглѣбскаго общежительнаго монастыря игуменіи Евгеніи; но игуменья заломгла; дѣвица не хотѣла тамъ быть; потому, въ предупрежденіе гласности, взята оттуда, также по совѣту моему съ военнымъ генераль-губернаторомъ, для отправленія въ другой загородный монастырь на время печальныхъ здѣсь занягій; но она опять не хотѣла, и потому, въ предупрежденіе затрудненій въ монастырѣ, немедленно возвращена къ оберъ-полиціймейстеру, отъ котораго принята была въ монастырское смотрѣніе.

IV.

Сіятедьнѣйшій князь!

Милостивый Государь!

Вчера въ Архангельскомъ соборѣ, при гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, въ 10 часовъ утра совершена панихида тремя архіереями съ прочимъ духовенствомъ; литургія мною; а въ 4 часа вечера вторая панихида паки тремя архіереями съ прочимъ духовенствомъ.

Г. генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ спрашивалъ, зачѣмъ утренняя панихида прежде, а не послѣ литургіи. Отвѣтствовано: 1) потому, что здѣсь такъ обыкновенно совершаются императорскія панихиды; 2) дабы утренняя и вечерняя панихида не слишкомъ близко были временемъ одна отъ другой.

На панихидахъ преосвященные викарій и Досіеѣй положили быть вмѣстѣ со мною на всѣхъ; а литургіи совершать по очереди.

Немощь моя отнимаетъ у меня возможность сопровождать печальное шествіе до границы епархіи, сколь ни желательно мнѣ сіе было. Не понимаю самъ, какъ достало меня третьяго дня простоять часъ у заставы, и дойти до собора въ процессіи, съ такимъ впрочемъ послѣдствіемъ, что мнѣ на утро то представлялось, какъ бывшее за нѣсколько дней, и какъ во снѣ.

По церемоніалу не было положено проповѣди. И я чувствовалъ, что предметъ и случай мнѣ не по силамъ. Лѣкарь запрещалъ размышлять, и я чувствовалъ, что то меня утомляло. Но слышалъ, что въ городѣ зараженные разсѣваемыми молвами напередъ дѣлали примѣту, пойду ли я въ процессіи, и буду ли говорить проповѣдь. Итакъ я говорилъ. Не знаю, можно ли допустить, чтобы ее и читали. Препровождаю при семъ списокъ, и желаю бы получить наставленіе.

Въ процессіи московской, викарій, утомленный въ путевой, не смогъ быть; а былъ третій преосвященный—митрополитъ Варлаамъ. Духовную процессію составляли, безъ сомнѣнія, болѣе 700 человѣкъ. Но еще точнаго отчета мнѣ не представлено.

Завтра хочется мнѣ хотя до ночлега проводить: а между тѣмъ боюсь, достанетъ ли силъ дойти до заставы. Такова часто моя служба. Какъ прелестна иногда кажется мысль объ отставкѣ. Но хорошо, что недосужно заниматься ею.

Желаю вашему сіятельству силъ и свѣта для служенія престолу и отечеству, и съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію есмь

Вашего сіятельства
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга и богомолецъ
Филаретъ архіепископъ московскій.

Февр. 5. 1826.

V.

Сіяте́льнѣйшій князь!

Милостивый Государь и Благодѣтель!

Письмо вашего сіятельства отъ 29 мая получилъ я въ свое время, съ утѣшеніемъ и благодарностію: а молчалъ долго по обыкновенному моему неумѣнію выгадывать время собственно для себя.

Кромѣ того, что, послѣ долговременной отлучки, я подвергаюсь обыкновенно усиленнымъ нападеніямъ со всякими дѣлами и нуждами, въ нынѣшнемъ году открылся новый родъ дѣлъ. Священно-и-церковно-служители просятъ хлѣба. Коломенскій уѣздъ почти въ одинакомъ положеніи съ рязанскою губерніею. Когда по просьбамъ оттуда стали подавать помощь: начали поступать просьбы и изъ прочихъ уѣздовъ, и также большею частію уважительныя; потому что прошлагодній урожай, вездѣ былъ недостаточенъ; а доходовъ, на покупку дорогаго хлѣба, и обыкновенныхъ нѣтъ, по оскудѣнію крестьянъ. Теперь новая забота. Знаю, что у многихъ или мало, или совсѣмъ нѣтъ сѣмянъ для посѣва: а кому именно, и сколько нужно, не знаю. Вызывать заранѣе на просьбы сего рода, значило-бы возбудить требованія неудовлетворимыя. Теперь посылаю въ Коломну архимандрита съ деньгами, чтобы открыть нуждающихся и степень нужды, и раздать на посѣвъ, заимообразно. Говорю: заимообразно, чтобы сіе было огражденіемъ отъ требованій выше нужды: а въ самомъ дѣлѣ не надѣюсь возвратить займа, развѣ только нѣкоторую часть. Ржаные поля не вездѣ и сѣмяна отдадутъ: яровыя хороши; но частые до сихъ поръ дожди наводятъ новое опасеніе.

Болѣе утѣшенія имѣлъ я въ лаврѣ. Не смотря на трудность времени, богомольцы приходятъ. Нищихъ болѣе

обыкновеннаго: но невидно такихъ, которые бы не были сыты. Въ лаврѣ обѣдаютъ ежедневно по нѣскольку сотъ человѣкъ. Въ обители, благодареніе Богу, нашель я миръ, и въ училищахъ добрые плоды. Усталъ и въ лаврѣ, гдѣ напримѣръ академическія засѣданія продолжались до пяти и до шести часовъ непрерывно: однако усталъ пріятнымъ образомъ. Одно доброе изъ лавры сказаніе посылаю при семъ въ списокъ.

Извѣстная дѣвица Евдокія, какъ слышу, живетъ въ Спасо-бородинскомъ монастырѣ спокойно. А прежде нежели пришла туда, была въ Можайскѣ, и обратила на себя вниманіе народа: но городничій не замедлилъ удалить ее изъ города.

По приѣздѣ въ Москву я лѣчился, и получилъ пользу. Теперь опять немного нездоровъ: однако не хочу назвать себя больнымъ.

Почеркъ письма вашего сіятельства даетъ еще хорошее свидѣтельство вашимъ глазамъ: но какъ вы сами на нихъ жалуетесь; то благоволите беречь ихъ. И если ко мнѣ писать заблагоразсудите: то не угодно ли продиктовать письмо сестрицѣ вашей, которая будетъ на сей случай добрымъ секретаремъ.

Призывая вамъ Божіе благословеніе, миръ и здравіе, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего сіятельства

Милостиваго Государа и благодѣтеля
покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Филаретъ митрополитъ московскій.

Москва.

Іюля 27. 1840.

Елисаветѣ Михайловнѣ прошу сказать мое доброе памятованіе и желаніе благословенія Божія.

